This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DS151
G5
K53
1900

Dewey Donnell Book Fund

A gift to the
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Варшава, 19/II 01.

У. И. Гинзберу и др.

Д. Клаузн

І. Клаузнеръ.

ДУХОВНЫЙ СІОНИЗМЪ

И

ЕГО ГЛАВНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ.

Опытъ обстоятельнаго изложенія и характеристики

Сіонистской доктрины „Ахадъ Гаама“.

32

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау, Площадь Большаго театра, 2.
1900.

AJM 3727

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Сентября 1900 г.

Духовный сіонизмъ и его представитель— Ахадъ Гаамъ.

Если обратиться къ какому-нибудь сіонисту, хорошо знакомому съ сіонистской литературой на разныхъ языкахъ, съ вопросомъ: «кто самый серьезный и глубокій теоретикъ сіонизма?», — то нѣтъ сомнѣнія, что отвѣтъ будетъ гласить: «Ахадъ-Гаамъ» (т. е. «одинъ изъ народа», литературный псевдонимъ Ошера Гинцберга). И, однако, этотъ-же самый «Ахадъ-Гаамъ» является самымъ серьезнымъ, самымъ непримиримымъ противникомъ такъ называемаго политическаго сіонизма или, вѣрнѣе сказать, герцлизма. Начиная съ перваго Базельскаго конгресса и по сей день, «Ахадъ-Гаамъ» ведетъ на страницахъ своего почтеннаго журнала «Haschiloach» ожесточенную войну съ Герцлемъ, Нордау и со всѣми ихъ сподвижниками. Онъ нашелъ немало послѣдователей и помощниковъ, о его взглядахъ ведутся ожесточенные споры и нескончаемые дебаты на районныхъ съѣздахъ, на собраніяхъ сіонистскихъ кружковъ, въ еврейской печати и т. д. Многія изъ его статей были переведены на русскій и нѣмецкій языки. Критикой его взглядовъ занимались и такіе выдающіеся русско-еврейскіе публицисты, какъ гг. Моргулисъ и Дубновъ. Можно положительно сказать, что за послѣднее десятилѣтіе ни одинъ еврейскій писатель не возбудилъ такого интереса къ своимъ взглядамъ и не вызвалъ столько статей pro et contra, какъ этотъ недавно выступившій на литературное поприще и сравнительно очень мало пишущій публицистъ-философъ. Неудивительно, поэтому, что многіе изъ тѣхъ, которымъ сочиненія «Ахадъ-Гаама» недоступны въ еврейскомъ оригиналѣ, чувствуютъ сильную потребность получить хотя-бы общее, но возможно полное и *ясное* представленіе объ его своеобразныхъ взглядахъ *и идеяхъ*.

Дать такое болѣе или менѣе полное представленіе о литературномъ творчествѣ и основныхъ идеяхъ «Ахадъ-Гаама, является нелегкой задачей настоящаго очерка. Я говорю «нелегкой задачей» потому, что излагать in extenso взгляды и идеи писателя, слогъ котораго такъ сжатъ и кратокъ, какъ это только возможно, весьма и весьма нелегко. Тѣмъ не менѣе я постараюсь возможно кратко изложить статьи «Ахадъ-Гаама» одну за другою, слѣдуя лишь за внутренней, связующей ихъ основной мыслью, совершенно объективно, воздерживаясь отъ всякой критики. Какъ особенно-сильныя, такъ и слабыя стороны ахадъ-гаамовскаго міровоззрѣнія должны явиться наружу, какъ результатъ самаго изложенія.

I.

«Ахадъ-Гаамъ» выступилъ на литературное поприще въ 1889 г., т. е. задолго до Герцля и его политическаго сіонизма. Стремленіе еврейства къ возрожденію въ исторической странѣ еврейской націи носило тогда другое имя и имѣло другую форму. Оно называлось тогда «палестинофильствомъ», и ея практическимъ проявленіемъ была колонизація Палестины евреями, безъ правильной организаціи и безъ всякихъ гарантій со стороны кого-бы-то ни-было. Народъ былъ голоденъ, и ему хотѣли дать хлѣба въ Палестинѣ. Никто и не подумалъ о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми сопряжено колонизаціонное дѣло вообще и колонизація далекой и запущенной страны въ особенности. Немудрено, поэтому, что вскорѣ наступило разочарованіе. Многіе изъ тѣхъ, которые надѣялись хорошо устроиться въ Палестинѣ безъ особенной затраты силъ и труда, увидѣли, что они ошиблись въ своихъ *разсчетахъ*. Первый турецкій запретъ пріостановилъ массовую иммиграцію и сдѣлалъ основаніе новыхъ колоній почти невозможнымъ. А старыя колоніи подпали подъ покровительство барона Ротшильда, администраторы котораго превратили колонистовъ въ зависимыхъ отъ бароновскихъ субсидій виноградарей. Всему палестинскому

дѣлу грозила опасность превратиться, съ одной стороны, въ простое филантропическое дѣло, а съ другой — въ дѣловое предпріятіе, съ которымъ не связаны ни возвышенныя идеи, ни великія народныя упованія.

Въ это критическое для палестинофильства время появляется въ «Гамелицѣ» небольшая статья «Ахадъ-Гаама» подъ заглавіемъ «Lo seh hadereh» (Неправильный путь). Въ этой первой статьѣ новаго, хотя и немолодого публициста (г. Гинцбергу было уже 33 года, когда его первая статья появилась въ печати) уже кроются зародыши почти всѣхъ мыслей и взглядовъ, разработанныхъ и развитыхъ впослѣдствіи во всѣхъ остальныхъ статьяхъ вышедшаго въ 1895 году собранія статей «Ахадъ-Гаама» [1]). А потому попытаемся изложить содержаніе этой въ высшей степени оригинальной статьи нѣсколько болѣе подробно.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сильнаго увлеченія и кипучей дѣятельности наступаетъ въ палестинскомъ дѣлѣ почти полный застой. Палестинцы довольствуются тѣми ничтожными пособіями, которыя выдаются ими старымъ колоніямъ. Нѣтъ больше пыла, нѣтъ больше великихъ и сильныхъ стремленій. Неужели палестинская идея уже успѣла устарѣть? Или она вообще нежизнеспособна? «А.-Г.» видитъ совсѣмъ другую причину. По его мнѣнію, распространители палестинской идеи дали ей съ самаго начала ложное направленіе, которое неминуемо должно было привести, если не къ полному крушенію, то, по крайней мѣрѣ, къ продолжительному застою.

Великая идея можетъ найти себѣ приверженцевъ, которые позаботятся объ ея осуществленіи, лишь тогда, когда возможно логически доказать, что средства, необходимыя для ея проведенія въ дѣйствительность, вполнѣ соотвѣтствуютъ нашимъ силамъ и вполнѣ оплачиваются результатами осуществленной

---

[1]) Al Peraschath Derachim (На перепутьи), изданіе І. Х. Равницкаго. *Одесса, 1895; XIV* + 298 стр.

идеи. Но когда трудно доказать это *логически*, тогда нужно обратиться къ помощи *чувства*, которое одно въ состояніи умножить силы увлеченнаго приверженца, съ одной стороны, и увеличить въ его глазахъ значеніе результатовъ дорогой его сердцу идеи—съ другой. Лишь тогда любовь и стремленіе къ идеалу могутъ породить то глубокое убѣжденіе, которое наполняетъ не только сердце, но и умъ. А люди, которые всецѣло поглощены одной великой идеей, которые «способны по природѣ своей сосредоточить всю свою духовную жизнь на одной точкѣ—на одной идеѣ и одномъ стремленіи», незамѣтнымъ образомъ и мало-по-малу вліяютъ на народъ. Они сами, правда, не въ состояніи создать чего-либо прочнаго и реальнаго. Но идея, становясь, благодаря имъ, народной, общеизвѣстной, найдетъ раньше или позже приверженцевъ даже среди холодныхъ практиковъ, сначала противящихся всякой новой идеѣ: ихъ сопротивленіе мало-по-малу уступитъ давленію новаго вѣянія, дающаго себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе.

Осуществимость сіонизма, надо признаться, не можетъ считаться очевидной. Великія препятствія, внѣшнія и внутреннія, заграждающія намъ путь въ обѣтованную землю, могутъ запугать хоть кого. Но вѣдь каждая великая идея считалась въ извѣстное время странной химерой, несбыточной мечтой. Только сильное чувство, доходящее до глубокаго убѣжденія въ годности и необходимости этой идеи, великое увлеченіе ею, радостное самопожертвованіе единичной личности во имя общаго идеала, вотъ что совершало чудеса во всѣ времена и во всякомъ великомъ движеніи.

Но есть-ли и можетъ-ли быть у евреевъ такое національное чувство и такое самопожертвованіе во имя общенароднаго идеала?

Его нѣтъ, но оно было и можетъ быть.

Во всю библейскую эпоху чувство національной или, вѣрнѣе, племенной солидарности было очень сильно. Законодатель *и пророки обѣщаютъ вознагражденіе* на добрыя дѣла и нака-

заніе за грѣхи не каждому человѣку въ отдѣльности, а всей націи.

Лишь послѣ разрушенія перваго храма, еврейскій народъ, убѣдившись, что его политическая роль очень ничтожна, не довольствуется больше однимъ лишь національнымъ благоденствіемъ въ награду за добродѣтели; единичная личность требуетъ частнаго, личнаго вознагражденія, которое и находитъ въ «загробной жизни» (olam haba) и въ «воскресеніи мертвыхъ» (thechyath hamethim).

Такимъ образомъ, чувство національной солидарности все болѣе и болѣе слабѣетъ среди насъ, и въ настоящее время всѣ благія начинанія въ пользу нашего народа сокрушаются о мелкое самолюбіе и грубый эгоизмъ нашихъ якобы общественныхъ дѣятелей... Возможно-ли грандіозное народное зданіе построить на фундаментѣ эгоизма, крайней субъективности и грубаго матеріализма, господствующихъ не только среди нашей такъ-называемой интеллигенціи, но, къ глубокому прискорбію нашему, и среди нашей громадной массы?.. И, однако, пропагандисты палестинской идеи всегда старались основать любовь къ Сіону на разсчетахъ, имѣвшихъ цѣлью доказать, что можно дѣлать хорошія «дѣла» въ Палестинѣ, такъ какъ виоградники даютъ прекрасные доходы. слѣдовательно *выгодно* быть сіонистомъ; будучи сіонистомъ, ты дѣлаешь хорошій «гешефтъ» и къ тому еще считаешься идеалистомъ и благодѣтелемъ еврейскаго народа. Разумѣется, что при томъ крайне бѣдственномъ положенія, въ которомъ находится теперь еврейская масса, нашлось немало охотниковъ «попытать счастье» въ Палестинѣ. Но когда оказалось, что только люди съ весьма скромными матеріальными требованіями, и къ тому еще готовые работать собственными руками и терпѣть извѣстныя неудобства и лишенія,—что только такіе люди могутъ найти въ родной странѣ хлѣбъ, и только—хлѣбъ, а не богатства,—тогда многіе охладѣли въ Палестинѣ и къ палестинофильству, переселеніе пріостановилось, и все сіонистское движеніе какъ бы превратилось въ особаго рода фиалан-

тропію, имѣющую цѣлью поддержаніе нѣсколькихъ уже существующихъ колоній.

Что же дѣлать?

Прежде всего надо заботиться объ «оживленіи сердецъ» (thechijath halebaboth). Надо стараться, чтобы любовь къ общественной жизни проникла всѣ слои еврейства, чтобъ національная воля пробудилась и вызвала среди народной массы живое стремленіе къ національной жизни и національному возрожденію. Лишь тогда появится вѣра въ осуществимость нашей идеи, и найдутся люди, которые принесутъ ради нея великія жертвы, безъ которыхъ не обошлась ни одна великая идея. Весьма возможно, что такая работа потребуетъ многомного лѣтъ и, еслибы мы занимались только ею, мы по сію пору не имѣли бы еще колоній въ Палестинѣ, но зато мы бы мало-по-малу расширили духовную власть идеи надъ народомъ, и изъ его среды вышли бы настоящіе дѣятели, вполнѣ способные проводить нашу идею въ жизнь («На перепутьи», стр. 8). Какими средствами должно пользоваться для пробужденія національнаго чувства и для «оживленія сердецъ» — это мы увидимъ ниже. Замѣтимъ только, что въ отвѣтъ на возраженія противъ его первой статьи и на обвиненіе, будто онъ противъ колонизаціи вообще, «Ахадъ-Гаамъ» печатаетъ новую статью, въ которой онъ разъясняетъ, что «обработка палестинской земли самими приверженцами идеи въ потѣ лица и кровью ихъ сердца, чтобъ послужить *примѣромъ* для другихъ, можетъ особенно сильно повліять на сердце народа» (р. 10). Но бѣда въ томъ, что не приверженцы идеи стали колонистами: ими стали люди совершенно безъидейные, которые искали въ Палестинѣ одного лишь матеріальнаго обезпеченія, и какъ скоро они этого тамъ не нашли, они бросили страну и отреклись отъ искусственно-привитой имъ идеи.

Эти двѣ статьи произвели какъ бы расколъ въ палестинскомъ лагерѣ. Въ нихъ, какъ я уже сказалъ, находятся въ *зародышѣ всѣ новыя* требованія, которыя «А.-Г.» заявляетъ *въ цѣломъ рядѣ* непосредственно за ними послѣдовавшихъ

новыхъ статей. Когда въ 1890 г. былъ открытъ въ Одессѣ «Комитетъ общества вспомоществованія евреямъ-земледѣльцамъ и ремесленникамъ въ Сиріи и Палестинѣ», «А.-Г.» сталъ опасаться, что палестинофилы возложатъ на этотъ комитетъ слишкомъ большія надежды и подумаютъ, что онъ совершенно упраздняетъ ихъ дѣятельность. Онъ боится, чтобъ не смѣшивали палестинца, приверженца идеи возрожденія, съ членомъ общества, который, быть можетъ, не больше, какъ филантропъ, дающій пожертвованія и во всякія другія «общества вспомоществованія»... Онъ предвидитъ, что «милліонеръ, швыряющій деньгами направо и налѣво, если онъ только дастъ *между прочимъ* 100 рублей и въ пользу палестинскаго общества, вскорѣ будетъ считаться не только «почетнымъ членомъ» общества, согласно извѣстной статьѣ устава, но «почетнымъ сіонистомъ» (р. 18). И вотъ онъ долазываетъ, въ новой статьѣ подъ заглавіемъ «Жрецы и Народъ», что «палестинскую идею могутъ упрочить не филантропы своими звонкими грошами, не ораторствующая и пишущая братія своими громкими фразами, даже не дѣльцы, ищущіе хорошаго теплаго мѣстечка, котораго они хотѣли бы найти въ Палестинѣ, ибо все это— лишь *матеріалъ* для постройки, изсохшія кости, которыя только тогда оживутъ, когда ихъ осѣнитъ *духъ* идеалистовъ» (anschei-haruach), жрецовъ идеи, беззавѣтно преданныхъ ей, одною ею только и живущихъ. Эти идеалисты-жрецы должны въ Палестинѣ быть образцами миролюбія, терпѣнія и трудолюбія, учителями и руководителями переселенцевъ. А внѣ Палестины они должны вербовать приверженцевъ идеи (а не однихъ лишь членовъ Палестинскаго комитета), очистить наши сердца отъ всѣхъ тѣхъ наростовъ «голуса», которые такъ мѣшаютъ нашему національному развитію, и въ особенности — воспитывать новое поколѣніе, развивать въ немъ сознаніе великой задачи, которую оно имѣетъ выполнить въ будущемъ и сдѣлать его вполнѣ способнымъ къ великой національной работѣ. И все это должно быть сдѣлано безъ всякаго шума и при полномъ отсутствіи всякихъ личныхъ цѣ-

лей, скромно и изъ одной беззавѣтной преданности идеѣ (стр. 22—23).

Въ 1891 г., въ эту достопамятную Sturm-und Drang-Periode палестинскаго дѣла, «А.-Г.» впервые отправляется въ Палестину. Въ этой первой своей поѣздкѣ, результатомъ которой является надѣлавшая много шуму статья его «Правда изъ Палестины» (pp. 31—52), онъ ищетъ отвѣтъ на вопросъ: «можетъ ли страна (т. е. Палестина) снова ожить, и способны ли евреи возродить ее?» (p. 31). На первую часть вопроса — говоритъ «А.-Г.» — «мнѣ не трудно было найти отвѣтъ: достаточно путешествовать по Палестинѣ нѣсколько дней, видѣть ея горы и долины, ея поля и виноградники, столь плодородные, несмотря на отсталость арабовъ, чтобъ убѣдиться, что почва еще далеко не истощена, и что, какъ въ древности, она еще и теперь въ состояніи дать жизнь и счастье тысячамъ изъ ея сыновъ, которые возвратятся къ ней съ любовью и прилежно займутся ея обработкой» (p. 31). Но какой отвѣтъ онъ могъ дать на вторую часть вопроса? Какъ извѣстно, въ 1890 г., послѣ того какъ первый турецкій запретъ былъ снятъ, и одесскій комитетъ былъ открытъ съ разрѣшенія русскаго правительства, эмиграція въ Палестину внезапно приняла весьма значительные размѣры. Еврейскій голодный людъ изъ всѣхъ концовъ Россіи хлынулъ потоками въ Палестину, и улицы Яффы были наводнены разными маклерами и гешефтмахерами, которые только и думали о томъ, чтобъ нажиться на счетъ идеи. Весьма естественно, что все это повергло «А.-Гаама» почти въ полное отчаяніе и возмущало его до глубины души. Онъ безпощадно бичуетъ всѣхъ тѣхъ, которые эксплоатировали идею въ свою личную пользу, указываетъ на то, что почти всѣ, пропагандировавшіе тогда палестинскую колонизацію, и понятія не имѣли о палестинской почвѣ и о результатахъ земледѣлія и винодѣлія въ Палестинѣ, что среди новыхъ переселенцевъ почти совсѣмъ не было идейныхъ людей, и что никто даже не спросилъ себя, каковы отношенія турецкаго правительства къ эмиграціонному

и колонизаціонному дѣлу. Заслуживаетъ вниманія тотъ интересный фактъ, что «А.-Г.» предсказалъ второй турецкій запретъ (р. 43) именно въ самомъ разгарѣ эмиграціоннаго движенія, когда еще никто и не подозрѣвалъ возможности такого шага со стороны Порты. Въ заключеніе своей статьи онъ говоритъ о необходимости большого колонизаціоннаго общества, которое занималось бы скупкою всѣхъ имѣющихся въ Палестинѣ для продажи земель, потомъ раздѣлило бы ихъ на участки и, послѣ необходимой обработки, надѣляло бы ими избранныхъ имъ трудолюбивыхъ людей, которые взяли бы на себя извѣстныя обязательства и втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ погасили бы свой долгъ. Такое общество могутъ основать лишь англійскіе евреи, такъ какъ они больше смыслятъ въ колонизаціонныхъ предпріятіяхъ, и среди нихъ есть много государственныхъ людей и милліонеровъ, сочувствующихъ палестинской идеѣ. Кромѣ того англійскимъ евреямъ легче всего основать такое акціонерное общество, и имъ же не трудно будетъ урегулировать отношенія высшей турецкой администраціи къ переселенцамъ колонистамъ. Если вспомнить то, что говорилъ Герцль на третьемъ базельскомъ конгрессѣ о колонизаціонномъ обществѣ, долженствующемъ служить какъ бы дополненіемъ къ основанному въ Лондонѣ еврейскому національному банку,— мы поймемъ, что проектъ «А.-Гаама» имѣетъ не одинъ лишь историческій интересъ [1]).

Первая статья подъ заглавіемъ «Правда изъ Палестины» заканчивается слѣдующими словами: «Полный грустныхъ думъ прибылъ я, послѣ осмотра страны и послѣ всего, что я видѣлъ въ Яффѣ и въ колоніяхъ, наканунѣ Пасхи въ Іерусалимѣ, чтобъ излить свою скорбь и свой гнѣвъ передъ святыми развалинами, остатками нашего былого величія. Прежде всего я, разумѣется, отправился къ «Западной Стѣнѣ» (оставшейся отъ второго храма). Тамъ засталъ я массу іерусалимскихъ евреевъ, громко молившихся. Ихъ худыя лица, стран-

[1] См. мою статью о третьемъ сіонистскомъ конгрессѣ въ сентябрьской книжкѣ „Гашилоаха" за 1899 г. (томъ VI, стр. 271—284).

ные жесты и причудливые костюмы—все это соотвѣтствуетъ виду страшной стѣны». И я стою и гляжу то на нихъ, то на стѣну, и одна мысль вполнѣ овладѣваетъ мною: эти камни суть свидѣтели паденія нашей страны, а эти люди свидѣтели паденія нашего народа; какое изъ этихъ паденій глубже? Какое изъ нихъ мы должны больше оплакивать? Если *страна* приходитъ въ упадокъ, а народъ еще полонъ жизни и силы, то изъ его среды выходятъ Зерубавель, Эздра и Нехемія и снова ее возраждаютъ; но *народъ*, если онъ придетъ въ упадокъ, кто его сможетъ спасти и откуда ему ждать помощи?

«Если въ эту минуту меня бы осѣнилъ духъ Іегуды Галеви и я бы могъ, подобно ему, оплакивать гибель моего народа, то первымъ словомъ моей элегіи было бы не «Сіонъ», а—«Израиль» (pp. 51—52).

Въ 1893 г. онъ снова отправляется въ Палестину, и результатомъ его второй поѣздки является новая статья подъ тѣмъ же заглавіемъ (pp. 52—54). Въ этой второй статьѣ онъ яснѣе формулируетъ свои взгляды на преимущество земледѣлія передъ винодѣліемъ. Земледѣліе можетъ вполнѣ считаться ручнымъ трудомъ и даетъ только насущный кусокъ хлѣба, а не богатство,—слѣдовательно, только преданные идеѣ и не слишкомъ требовательные люди займутся имъ изъ любви къ труду и къ странѣ; въ то время какъ винодѣліе пахнетъ уже нѣсколько торговлей и требуетъ сравнительно большихъ капиталовъ, такъ что занимающіеся имъ могутъ стремиться къ наживѣ и къ развращающей парижской роскоши. Онъ настаиваетъ, еще задолго до Герцля, на необходимости продолжать колонизацію Палестины *лишь съ разрѣшенія турецкаго правительства*, съ которымъ однимъ (а не со всѣми европейскими державами, какъ этого хочетъ Герцль) необходимо войти въ ясныя и опредѣленныя сношенія, что не должно быть особенно трудно, такъ какъ палестинофилы, не мечтающіе объ еврейскомъ государствѣ, прежде, чѣмъ значительное количество *евреевъ заселитъ* Палестину, не имѣютъ пока никакихъ *чисто политическихъ вожделѣній*» (pp. 53—54). Разгорѣвшаяся

вслѣдъ за этими двумя статьями полемика даетъ «А. Гааму» возможность пояснить, что онъ не считаетъ и не можетъ считать палестинскую идею какой-то панацеей отъ всѣхъ болѣзней еврейскаго національнаго организма. Слѣдуетъ хорошенько различать между еврейскими общественными вопросами, касающимися матеріальнаго благосостоянія и общечеловѣческаго духовнаго развитія многихъ человѣческихъ индивидовъ, принадлежащихъ къ еврейскому народу, и между вопросами еврейской жизни, касающимися всего еврейства какъ цѣльной духовно-исторической и національно-культурной единицы. Палестинская идея отвѣчаетъ лишь на вопросы послѣдняго рода. На вопросы перваго рода—на вопросы, что дѣлать массѣ еврейскаго голоднаго люда, какъ разсѣять тьму и невѣжество, еще понынѣ всевластныхъ въ большихъ слояхъ еврейской массы, и т. п.,—должны дать отвѣты филантропы, эмиграція въ Америку, устройство ремесленныхъ и земледѣльческихъ школъ и т. д. Во всемъ этомъ сіонистъ долженъ принимать участіе какъ человѣкъ и еврей, какъ еврей, которому всякое улучшеніе въ средѣ еврейской націи должно быть особенно дорого. Но, какъ сіонистъ, который стремится къ возрожденію всей еврейской націи какъ единаго цѣлаго, онъ не можетъ однимъ этимъ удовлетвориться. Все это должно быть для него лишь временными средствами, приносящими лишь частичную пользу. Какъ человѣкъ и еврей, сіонистъ можетъ стоять за колонизацію Аргентины или Кипра, если эти страны окажутся дѣйствительно пригодными для прокормленія еврейской массы, но, какъ сіонистъ, онъ можетъ видѣть спасеніе всего еврейства, какъ націи, лишь въ концентраціи лучшихъ силъ нашего народа на его исторической почвѣ. Вотъ основная мысль статьи, озаглавленной «Нареканія Друга» (Piz'ei ohebh pp. 24—35); мы съ этой мыслью еще неоднократно встрѣтимся въ разныхъ другихъ статьяхъ «А.-Гаама». Руководящая идея, красной нитью проходящая черезъ всю его литературную дѣятельность—что сіонизмъ необходимѣе іудаизму (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова), чѣмъ еврейству (въ смыслѣ

страждущей отъ внѣшняго гнета массы)—выступаетъ уже здѣсь весьма рельефно. Это, такъ сказать, самоограниченіе сіонизма и дало ахадъ-гаамовскимъ воззрѣніямъ названіе *духовнаго сіонизма.*

II.

Но несмотря на это ограниченіе, сіонизмъ «А.-Гаама» далеко не узокъ и не одностороненъ. Онъ шире и глубже не только стараго палестинофильства, но и новаго, политическаго сіонизма. Дѣло въ томъ, что для «А.-Гаама» сіонизмъ является не одной лишь частной идеей среди другихъ идей; онъ для него *цѣлое міросозерцаніе* или, какъ онъ самъ выражается, «основа всѣхъ основъ (въ еврейскомъ міровоззрѣніи), центръ духа» (merkhas haruach). Эта идея должна настолько овладѣть всѣмъ существомъ, всѣми чувствами и мыслями ея приверженца, что все остальное должно группироваться вокругъ нея одной, все должно отъ нея исходить и къ ней же возвращаться, подобно тому, какъ дарвинизмъ, будучи сначала только естественно-научной доктриной, сталъ потомъ почти всеобъемлющимъ ученіемъ, примѣняющимся теперь почти ко всѣмъ наукамъ и дающимъ направленіе всѣмъ мыслямъ и воззрѣніямъ современнаго интеллигентнаго человѣка [1]). Исходя изъ такой точки зрѣнія, «А.-Г.» пытается дать своему взгляду на сіонизмъ окончательную формулировку, а затѣмъ указать, на сколько изъ него исходятъ всѣ другіе вопросы еврейской жизни. Этому онъ посвящаетъ цѣлый рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ: «Путь Духа» (Derech haruach). Послѣ мелкой статейки объ извѣстномъ раввинѣ-палестинофилѣ, М. Элишбергѣ изъ Бауска, проповѣдывавшемъ различнымъ сіонистскимъ партіямъ толерантность и солидарность, напечатана весьма важная статья о «Брошюрѣ д-ра Пинскера», которую самъ «А.-Г.» именуетъ «Открытымъ письмомъ къ братьямъ по идеѣ».

---

[1]) *См. „На Перепутьи“.* предисловіе стр. XI—XII.

Авторъ классической брошюры «Autoëmancipation» считался долгое время главой палестинцевъ и до самой своей кончины остался предсѣдателемъ одесскаго палестинскаго комитета. Между тѣмъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда онъ написалъ свою брошюру, онъ еще палестинцемъ не былъ. Не *израильскую страну* проектировалъ онъ заселить, а *страну для Израиля*. Слѣдовательно, Аргентина, еслибъ она только оказалась пригодной для переселенія милліоновъ голодныхъ евреевъ, могла бы, по его мнѣнію, предпочитаться Палестинѣ. Но оказалось, что эмиграціи въ Палестину получила народный характеръ и стала національнымъ движеніемъ. Пинскеръ присталъ къ этому движенію. Аргентина еще тогда не привлекла барона Гирша. Но вотъ, въ 1890—91 гг., наплывъ эмигрантовъ вредитъ палестинскому дѣлу и вызываетъ второй турецкій запретъ, а въ Петербургѣ появляется пресловутый Уайтъ со своимъ грандіознымъ планомъ переселенія милліоновъ на средства Гирша. И д-ръ Пинскеръ начинаетъ утверждать, что, вслѣдствіе разныхъ препятствій, Палестина «вѣрнымъ убѣжищемъ для еврейской массы» стать не можетъ, но можетъ и должна стать «*культурнымъ центромъ*». И это неудивительно. Пинскеръ требовалъ «самоосвобожденія», основаннаго на «національномъ рѣшеніи» (der nationale Entschluss), а такое рѣшеніе невозможно, коль скоро мы не чувствуемъ насущной потребности въ возрожденіи страны и народа, коль скоро «мы не народъ, а евреи». Эмансипація не могла насъ спасти отъ антисемитизма, такъ какъ эмансипація исходила изъ разсудка, а «вѣчная вражда къ вѣчному народу» исходитъ изъ чувства, ставшаго почти наслѣдственнымъ. «Національное рѣшеніе», основа «самоэмансипаціи», должно также проистекать изъ чувства, а національнаго чувства у насъ до сихъ поръ не было. Это еврейско-національное чувство можетъ пробудить одинъ лишь духовный центръ, въ созиданіи котораго будутъ принимать участіе всѣ еврейскія партіи и евреи всѣхъ странъ. Общая работа во имя одного духовно-національнаго центра «*сблизитъ духовно* всѣхъ евреевъ, столь отдаленныхъ другъ

отъ друга и пространствомъ, и взглядами; и благодаря ей, а впослѣдствіи и благодаря вліянію центра на всѣ точки окружности, оживетъ національный духъ во всѣхъ сердцахъ и въ нихъ укрѣпится также и чувство національнаго единства» (р. 95). Чтобъ яснѣе выразить свою мысль и доказать, что идея возрожденія могла появиться совершенно независимо отъ стремленія найти для массы «вѣрное убѣжище» отъ матеріальныхъ и соціальныхъ невзгодъ, «А.-Г.» рисуетъ намъ нѣчто вродѣ палестинофильской утопіи. Представимъ себѣ, что нѣтъ на свѣтѣ ни антисемитизма, ни злосчастнаго еврейскаго вопроса; тогда въ «странѣ для евреевъ» нѣтъ, разумѣется, никакой надобности. Но нашлись такіе идеалисты, которые сожалѣютъ объ окончательномъ исчезновеніи еврейства какъ великой культурной единицы, вѣрнѣе, объ исчезновеніи многовѣковаго іудаизма со всѣми его великими духовными особенностями. И вотъ эти идеалисты основываютъ «Общество распространенія любви къ Сіону» (Chebrath meechabdei Zion), которое имѣетъ цѣлью дать всѣмъ евреямъ всѣхъ странъ возможность принимать участіе въ основаніи одной палестинской колоніи, не для европейскихъ евреевъ, участь которыхъ не лучше и не хуже, чѣмъ участь ихъ христіанскихъ согражданъ, а для туземцевъ же, т. е. для еврейскихъ уроженцевъ самой Палестины. Эти новые еврейскіе колонисты были бы, разумѣется, нисколько не похожи на мужиковъ другихъ странъ, такъ какъ евреи далеки отъ пьянства, почти поголовно грамотны, и въ часы досуга они обыкновенно посѣщаютъ синагоги, слушаютъ наставленія проповѣдниковъ или же читаютъ религіозно-философскія книги. Внѣпалестинскіе евреи, естественно, заинтересовались этою образцовою колоніей и стали посѣщать ее, чтобъ познакомиться съ бытомъ этихъ замѣчательныхъ мужиковъ. Общество сіонофиловъ, пріободренное первымъ опытомъ, стало устраивать новыя колоніи на подобіе первой и «основало для дѣтей этихъ колонистовъ истинно-еврейскія школы, въ которыхъ господствующимъ и разговорнымъ языкомъ, во избѣжаніе многоязычія палестин-

скихъ евреевъ и пререканій со стороны разно-язычныхъ членовъ общества, сталъ возрожденный и видоизмѣненный языкъ пророковъ, этотъ самый древній и самый юный національный языкъ евреевъ. Кончившихъ курсъ этихъ элементарныхъ школъ общество стало посылать въ высшія учебныя заведенія европейскихъ столицъ, и «нѣмцы Моисеева закона» были не мало поражены, столкнувшись съ этими здоровыми дѣтьми Востока, которыя говорятъ на національно-еврейскомъ языкѣ и чувствуютъ себя вполнѣ и нераздѣльно евреями. Мало по-малу стали имъ подражать, стало модой изучать еврейскій языкъ при помощи палестинскихъ учителей, народилась богатая нововеврейская литература, лучшія творенія которой переводились и на другіе языки; общество основало въ Іерусалимѣ большую еврейскую газету, которая имѣла сильное вліяніе на европейскихъ евреевъ и даже на неевреевъ; и Палестина поистинѣ стала національнымъ духовно-культурнымъ центромъ всѣхъ лучшихъ евреевъ всѣхъ странъ и государствъ.

Все это было бы возможно, еслибъ вопросъ о *еврейской* голодающей *массѣ* не стали бы роковымъ образомъ смѣшивать съ вопросомъ о *еврейской націи*, еслибъ идея возрожденія не была столькимъ обязана погромамъ и антисемитизму и развивалась бы благодаря *внутреннему* побужденію, а не вслѣдствіе толчковъ *извнѣ*. Первые палестинофилы хотѣли, какъ этого хотятъ и современные герцлисты, матеріально устроить въ Палестинѣ милліоны страждущихъ евреевъ, но это оказалось пока невозможнымъ вслѣдствіе разныхъ, пока почти непреодолимыхъ «внѣшнихъ препятствій» и, что еще хуже, вслѣдствіе великаго препятствія, коренящагося внутри насъ самихъ, вслѣдствіе отсутствія всякаго *живого* національнаго чувства какъ среди еврейской массы, довольствующейся однимъ религіознымъ чувствомъ, такъ и среди нашей интеллигенціи, довольствующейся однимъ общечеловѣческимъ чувствомъ или, просто, однимъ индифферентизмомъ. Такимъ образомъ, намъ пора проникнуться мыслью, что Палестина прежде всего *нужна іудаизму*, а потомъ, «когда всѣ евреи, даже мате-

ріально и политически самые обезпеченные, устремятъ свой взоръ не только на Палестину прошедшаго и будущаго, но и на Палестину настоящаго», она послужитъ оплотомъ также и *еврейству*, большой еврейской массѣ. Благодаря сношеніямъ съ центромъ, наше національное самосознаніе тогда пробудится, и идея самоэмансипаціи будетъ основана на непосредственномъ чувствѣ, а не на разсудочномъ философствованіи и матеріальныхъ разсчетахъ. И когда не будетъ больше «внутреннихъ препятствій», тогда не трудно будетъ медленно и постепенно очистить нашъ путь и отъ «внѣшнихъ препятствій» (стр. 101—102). Многіе, пожалуй, найдутъ, что такимъ образомъ слишкомъ долго придется ждать; но и самъ авторъ «Autoëmancipation» этого не боялся: «Пристань, къ которой мы стремимся всей душой, говоритъ онъ, очень и очень далека отъ насъ. Но тысячелѣтнему страннику никакой дальній путь не долженъ казаться слишкомъ долгимъ».

Эти замѣчательныя слова покойнаго д-ра Пинскера «Ахадъ-Гаамъ» совѣтуетъ начертать на нашемъ знамени золотыми буквами.

Вотъ содержаніе самой важной статьи вышеупомянутой серіи. Въ ней, какъ мы видѣли, «А. Г.» особенно настаиваетъ на томъ, что неосуществимость идеи самоэмансипаціи обусловливается, главнымъ образомъ, отсутствіемъ у современныхъ евреевъ живого національнаго чувства. Въ статьѣ «Индивидуальная жизнь» (Haadam boohel, pp. 102—111) указывается на то, что это отсутствіе есть лишь простое слѣдствіе нравственнаго убожества, въ которое впало большинство народа нашего. Это убожество есть не что иное, какъ плодъ скитаній, гоненій и мученій, которымъ подвергался еврей втеченіе многихъ вѣковъ. Но что у насъ есть извѣстные, въ большей мѣрѣ, чѣмъ другимъ націямъ, намъ присущіе нравственные недуги—это фактъ, и литература призвана исцѣлять ихъ, *бороться противъ зла*, подкапывая самый корень его. Наши *писатели-обличители*, боровшіеся въ 60 ыхъ и 70 ыхъ годахъ *противъ невѣжества* еврейской массы, противъ косности рав-

виновъ и «меламдовъ», противъ окаменѣлости нашихъ религіозныхъ предписаній, горько жалуются теперь, что именно тѣ, которые послушались ихъ горячихъ проповѣдей просвѣщенія, чуждаются всего еврейскаго и рабски преклоняются передъ всѣмъ чужимъ. По мнѣнію «А.-Гаама», сами еврейскіе писатели были причиною такихъ печальныхъ явленій. Дѣло въ томъ, что они не поняли, какъ воспитываютъ націю. Универсалисты и націоналисты вовсе не такъ расходятся между собою, какъ это кажется съ перваго взгляда. Національности суть не что иное, какъ индивидуальныя формы, имѣющія реальное существованіе, въ которыя облекается человѣчество, существующее лишь какъ коллективно абстрактное понятіе. Дерево, человѣкъ—это абстрактныя понятія, существующія только въ нашемъ воображеніи: каждое дерево есть непремѣнно яблоня или грушевое дерево, сосна или тополь, и т. д.; каждый человѣкъ есть непремѣнно нѣмецъ или французъ и т. д. Точно такъ же человѣчество—лишь отвлеченное понятіе, конкретныя, видимыя проявленія котораго суть націи.

Выдающіеся практики, великіе государственные дѣятели, вродѣ Петра Великаго, обращаютъ вниманіе только на видимое, внѣшнее положеніе націи и стараются измѣнить эту внѣшнюю національную форму, это временное проявленіе народной жизни, если она имъ не нравится, не принимая въ соображеніе, что всякая національная особенность имѣетъ своимъ основаніемъ болѣе глубокія общечеловѣческія свойства. Но духовные руководители каждаго народа, поэты и писатели, должны непремѣнно имѣть въ виду общечеловѣческую подкладку каждаго подлежащаго измѣненію національнаго положенія и каждаго подлежащаго искорененію національнаго недостатка,—имѣли-ли это въ виду наши писатели-обличители? На этотъ вопросъ приходится, къ сожалѣнію, дать отрицательный отвѣтъ. Они осмѣивали глупые обычаи и обряды, бичевали нашихъ религіозныхъ представителей, громили нашихъ общественныхъ дѣятелей, чудотворцевъ, іешиботниковъ, *всякаго рода* ханжей и тунеядцевъ чисто-еврейскаго покроя;

но *человѣка въ евреѣ*, его общечеловѣческіе недостатки, его чисто-человѣческіе пороки и слабости, ихъ то они какъ будто совсѣмъ и не замѣчали. Они усматривали въ упраздненіи извѣстныхъ религіозныхъ предписаній и въ сближеніи съ неевреями единственное спасеніе отъ всѣхъ бѣдствій, а потому они совсѣмъ и не указывали своимъ читателямъ на всѣ тѣ недостатки, которые общи евреямъ и христіанамъ. Оказалось, что еврей просвѣтился, но все-таки остался «рабомъ со всѣми аттрибутами рабства», видѣлъ въ просвѣщеніи только дойную корову, рабски преклонялся передъ всѣмъ чужимъ, чуждался своего народа и своего еврейскаго имени, сталъ мозолить всѣмъ глаза своимъ богатствомъ и роскошью и находиться въ неустанной погонѣ за наживой. Вотъ чѣмъ сталъ quasi-просвѣщенный еврей. А еврейское простонародье, темное и вѣрное традиціонному іудаизму,—оно также осталось при всѣхъ своихъ общечеловѣческихъ недостаткахъ. Среди еврейской массы еще и теперь господствуютъ чрезмѣрное самообожаніе, склонность къ умничанію и переливанію изъ пустого въ порожнее, крайняя индефферентность ко всякому общественному дѣлу, отсутствіе всякаго порядка и постепенности во всѣхъ личныхъ и національныхъ начинаніяхъ, полное отсутствіе единодушія и добровольнаго подчиненія своимъ представителямъ и руководителямъ, стремленіе вездѣ выдаваться и во всемъ отличаться, хотя бы только внѣшнимъ образомъ и т. д. И такой народъ долженъ былъ начать великое дѣло возрожденія, положить основу новой, лучшей жизни! Мудрено-ли, что сплошь да рядомъ терпѣли мы пораженія и неудачи, что мы почти никогда не находили the right man on the right place? Наши писатели совершенно забыли, что печальныя *видимыя* явленія нашей народной жизни суть лишь слѣдствія болѣе глубокихъ причинъ, и если мы не уничтожимъ этихъ послѣднихъ, то первыя всегда останутся, какъ-бы мы ни боролись противъ *нихъ самихъ* по себѣ. Если мы отрубимъ гидрѣ одну голову, *у нея тотчасъ-же вырастетъ* нѣсколько новыхъ головъ; лишь *вытравивъ ей жало, мы дѣлаемъ ее* безвредной.

Вотъ почему «А. Г.» совѣтуетъ національно-еврейскимъ писателямъ бороться противъ всѣхъ вышеупомянутыхъ общечеловѣческихъ пороковъ, присущихъ намъ въ большей мѣрѣ лишь благодаря печальнымъ условіямъ еврейской жизни. Лишь исправляя и облагораживая *индивидуальную личность еврея*, мы готовимъ нашему народу борцовъ за возрожденіе, мы воспитываемъ вполнѣ преданныхъ и достойныхъ сіонистовъ. Ибо только хорошій человѣкъ можетъ быть хорошимъ евреемъ и хорошимъ сіонистомъ.

Но кромѣ общечеловѣческихъ нравственныхъ недостатковъ, мы страдаемъ еще однимъ тяжкимъ специфически-еврейскимъ недугомъ, который, быть можетъ, приноситъ нашей народной жизни еще большій вредъ и въ еще большей степени тормазитъ правильное развитіе еврейскаго національнаго чувства. Этотъ національный недугъ—наша окаменѣлость. Діагнозу и исцѣленію этой болѣзни нашего національнаго организма посвящена надѣлавшая много шума статья: «Ученіе сердца» (Thorah scheb'lew).

Мы славимся тѣмъ, что мы—«народъ книги»; а между тѣмъ, вся наша бѣда состоитъ въ томъ, что мы теперь не *литературный* народъ (am saphruthi) а *книжный* народъ (am hassepher). А разница между тѣмъ и другимъ громадная. «Литературный народъ» неустанно творитъ литературныя произведенія, соотвѣтствующія потребностямъ все болѣе и болѣе осложняющейся и прогрессирующей жизни, ибо сами эти произведенія являются продуктомъ народной жизни въ каждый данный моментъ. «Книжный» же народъ, это—«рабъ книги», устарѣвшей, мертвой буквы, которой онъ насильственно подчиняетъ требованія жизни, изъ-за которой онъ умерщвляетъ всѣ свои желанія и стремленія, всѣ живыя, исходящія изъ молодого сердца, чувства и порывы.

Не всегда былъ еврейскій народъ «книжнымъ». Во времена пророковъ сердце и чувство руководили всей народной жизнью. Но и во времена талмудистовъ еврейство еще далеко не окаменѣло. *Танаиты*, эти великіе толкователи моисеева закона,

ще умѣли подчинять букву закона внутреннему ея смыслу, который они естественнымъ образомъ находили въ ней сообразно съ духомъ ихъ времени и съ требованіями живого народнаго сердца, развивающагося и бьющаго ключомъ народнаго чувства. Въ Библіи сказано: «Око за око», а приговоръ Талмуда гласитъ, «Деньги за око». На какомъ основаніи талмудисты позволили себѣ такъ толковать слова Библіи? Постепенное интеллектуальное развитіе еврейскаго народа, многовѣковое развитіе его нравственнаго чувства, измѣнили мало-по-малу и незамѣтнымъ для всѣхъ образомъ столь ясный смыслъ библейскаго закона, который въ глубокой древности, когда нравственное чувство не было еще особенно развито, по всей вѣроятности, имѣлъ буквальное примѣненіе и у евреевъ, такъ же, какъ у индусовъ, египтянъ, грековъ и римлянъ. Лишь къ концу эпохи 2-го храма, когда живое сердце почувствовало, что слишкомъ жестоко и неразумно *мстить* вмѣсто того, чтобъ творить справедливость, что въ результатѣ такого наказанія получаются два изувѣченныхъ члена общества, вмѣсто одного, тогда это живое сердце стало возмущаться такимъ жестокимъ закономъ и живое религіозное чувство, естественно, не могло допустить, чтобъ Божественное Правосудіе предписывало такіе жестокіе и безсмысленные законы. Весьма естественно, что это религіозное чувство безсознательно приписываетъ древнимъ словамъ новый смыслъ, и Талмудъ постановляетъ, что за выколотый глазъ уплачивается денежная пеня, которую получаетъ самъ изувѣченный. Талмудисты въ этомъ случаѣ вовсе не являются реформаторами, они даже и не подозрѣваютъ, что они измѣнили и въ извѣстномъ смыслѣ даже отмѣнили библейскій законъ. Они только были глубоко убѣждены, что Всемилостивѣйшій Іегова, давшій Тору Моисею, не можетъ предписать несообразностей и жестокостей, а потому въ самихъ словахъ Его «око за око» *по необходимости* долженъ заключаться тотъ смыслъ, который соотвѣтствовалъ нравственному чувству современнаго имъ еврейства.

Такимъ образомъ, іудаизмъ и въ талмудическую эпоху посто-

янно обновляется благодаря животворящему народному чувству. Лишь послѣ заключенія Талмуда, когда національная жизнь евреевъ вполнѣ потеряла свой самостоятельный характеръ, когда безконечныя гоненія изсушили послѣдніе наши жизненные соки и притупили всѣ наши человѣческія чувства, когда вся наша національная жизнь сосредоточилась на изученіи толстыхъ богословскихъ фоліантовъ и на исполненіи безчисленнаго множества обрядовъ,—лишь тогда іудаизмъ, какъ религіозное ученіе, приходитъ въ застой и мало-по-малу каменѣетъ. Великій поэтъ нашъ Л. О. Гордонъ изображаетъ въ прелестной своей поэмѣ «Kozo schel Jod» (Вѣнчикъ іоты), какъ раввинъ рабби Вофси уничтожаетъ бракоразводный документъ одной покинутой мужемъ женщины, только потому, что въ этомъ документѣ имя мужа будто неправильно написано, такъ какъ въ этомъ имени якобы недостаетъ буквы «Jod». Благодаря такому безапелляціонному рѣшенію раввина, несчастная молодая женщина навѣки не можетъ выйти замужъ за любимаго человѣка и пристроить своихъ осиротѣлыхъ дѣтей. Кто виноватъ? Не раввинъ, который знаетъ только свою религіозную обязанность и считаетъ свое рѣшеніе Самимъ Богомъ предписаннымъ, и не законъ, который, какъ мы видѣли, всегда мѣняется смотря по требованіямъ жизни и по вызваннымъ ими толкованіямъ богослововъ. Виновата *окаменѣлость* іудаизма, мертвенность еврейскаго народнаго *сердца* (hitheabnuth halebh). Еврейское сердце перестало естественно биться, въ унисонъ съ естественнымъ, непосредственнымъ чувствомъ, и стало механически постукивать въ тактъ мертвой буквѣ закона. Возможно ли снова оживить еврейское сердце? Есть ли какое нибудь средство, чтобъ еврейское національное чувство воскресло? Просвѣщеніе, порицаніе общечеловѣческихъ недостатковъ, соціальныя и политическія права могутъ пробудить *народно-еврейское* чувство; но развѣ это чувство будетъ также *національно-еврейскимъ?* Воскреснетъ ли также *еврейское сердце*, а не только *сердце еврея?* Мы знаемъ, что среди нашей интеллигенціи есть *много людей*, но мало, очень мало евреевъ. Слѣдовательно,

одной общечеловѣческой культуры евреямъ недостаточно. Намъ необходимъ потокъ новой жизни, который исходилъ бы изъ самихъ нѣдръ всего современнаго еврейства, который былъ бы частью самого іудаизма—и такимъ потокомъ сталъ въ послѣднее время сіонизмъ, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть цѣлое міросозерцаніе, дающее отвѣты на всѣ вопросы еврейской жизни. «*Такая* любовь къ Сіону—говоритъ «А. Г.»—есть не часть іудаизма и не добавленіе къ нему, а самый іудаизмъ во всей своей совокупности, съ однимъ лишь *измѣненіемъ центра*. Она не исключаетъ религіозныхъ предписаній, не имѣетъ цѣлью ни увеличеніе, ни уменьшеніе ихъ количества какимъ бы то ни было искусственнымъ путемъ; ея цѣлью является лишь то, чтобъ *центромъ* всего стало *живое стремленіе сердца къ объединенію и возрожденію націи и къ свободному ея развитію, соотвѣтственно духу, на общечеловѣческихъ началахъ*» (р. 115).

Такое живое стремленіе, развитіе и распространеніе котораго должны преслѣдовать и наша національная литература и воспитаніе молодого поколѣнія,—стремленіе къ исправленію сердца и пробужденію живого чувства и старанія, чтобы это стремленіе стало органическою частью всякой еврейской души,—вотъ что можетъ мало по малу, быть можетъ лишь черезъ нѣсколько поколѣній, сдѣлать изъ еврейской массы *живыхъ людей* и изъ еврейской интеллигенціи—*національныхъ евреевъ*. Практическая дѣятельность сіонистовъ — палестинская колонизація—станетъ дѣломъ первой важности лишь тогда, когда народъ почувствуетъ, что эта колонизація—не простое филантропическое дѣло, не коммерческое предпріятіе спекулянтовъ, а дѣло общенаціональное. Пока «А.—Гааму» безконечно важна образцовая *яффская школа*, которая даетъ палестинскимъ дѣтямъ, мальчикамъ равно какъ и дѣвочкамъ, общее и еврейское воспитаніе, воспитывая одновременно и въ одинаковой мѣрѣ людей и евреевъ и въ которой еврейскій языкъ сталъ живымъ и разговорнымъ, такъ что на немъ преподаются *не только еврейскіе, но* и общіе предметы. Эта школа была

основана приверженцами взглядовъ «А.—Гаама», и этотъ послѣдній посвятилъ ей въ своей книгѣ одну очень теплую, прочувствованную статью.

Статья «ученіе сердце» вызвала среди сіонистовъ-ортодоксовъ настоящую бурю. Автора обвиняли въ ереси, въ сектанствѣ, въ склонности къ реформамъ. Разъ онъ считаетъ «книгу» окаменѣвшей, разъ, по его мнѣнію, «писаніе» (Khethabh) не соотвѣтствуетъ болѣе духу времени и требованіямъ сердца, слѣдовательно, онъ реформаторъ, требующій отмѣны устарѣвшихъ законовъ. «А.—Г.» рѣшительно опровергъ это обвиненіе. Онъ считаетъ религіозную реформу искусственнымъ видоизмѣненіемъ религіи и видитъ въ ней простую непослѣдовательность. Вѣрить въ божественное происхожденіе Библіи и всетаки отмѣнять извѣстную часть ея, какъ дѣлали нѣмецко-еврейскіе реформисты и еще дѣлаютъ американско-еврейскіе,—это прямо иротиворѣчитъ основнымъ религіознымъ понятіямъ и объясняется только тѣмъ, что еврейскіе роформаторы XIX го вѣка уже почти ни во что не вѣрили и упраздняли разныя религіозныя предписанія лишь удобства ради. «А.—Г.» вовсе не проповѣдуетъ преднамѣреннаго и сознательнаго измѣненія законовъ, ибо тогда это не будетъ исходить изъ непосредственнаго чувства, которое одно является источникомъ религіозного творчества. Онъ только *убѣжденъ*, что когда сердце народа оживетъ, когда гонимая нація заживетъ вполнѣ нормальною жизнью, тогда многіе законы сами собою, незамѣтно для всѣхъ, измѣнятся сообразно съ новыми понятіями и новыми чувствами. Возможно, что тогда даже прибавится много законовъ, что разные старые законы, потерявшіе для насъ всякое значеніе, снова обрѣтутъ какой нибудь жизненный смыслъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что много законовъ отпадетъ, а главное—что все это будетъ зависѣть не оттого, что «такъ написано», а оттого, что народъ почувствуетъ насущную потребность въ томъ или другомъ законѣ. А тамъ, гдѣ жизнь и религія разойдутся, тамъ, гдѣ буква скажетъ одно, а сердце—*другое*,—тамъ сердце инстинктивно найдетъ этой

буквѣ новое, болѣе подходящее толкованіе, подобно толкованію «деньги за око» вмѣсто «око за око». Такъ понимаетъ авторъ «ученія сердца» видоизмѣненіе религіи путемъ естественной исторической эволюціи, и для того, чтобы сдѣлать такое видоизмѣненіе возможнымъ, необходимо, по его мнѣнію, «возрожденіе сердца» при помощи сіонизма, какъ идеи возрожденія par excellence, и при посредствѣ литературы и воспитанія.

Это разъясненіе, напечатанное въ видѣ письма къ искреннему раввину-ортодоксу, («Dibhrei Schalom», pp. 124—137), вполнѣ совпадаетъ съ тѣми взглядами, которые «А.—Г.» высказалъ въ двухъ изъ своихъ философскихъ «Отрывковъ», стяжавшихъ ему такую славу въ средѣ еврейской читающей публики.

III.

«Маленькія бесѣды о великихъ вопросахъ», какъ именуетъ самъ авторъ свои «Отрывки» (Perurim), содержатъ историко-философское обоснованіе всѣхъ вопросовъ сіонизма. Въ нихъ особенно рельефно выступаетъ весь блестящій талантъ «А.-Гаама», вся его замѣчательная эрудиція, достойная удивленія послѣдовательность и рѣдкая систематичность. Онъ стоитъ на высотѣ современной философско-исторической и соціологической науки, можетъ считаться эволюціонистомъ par excellence, и именно на основаніи теоріи эволюціи и благодаря новѣйшей наукѣ, ему удается доказать, что сіонизмъ есть продуктъ всей еврейской исторіи до настоящаго времени, съ одной стороны, и слѣдствіе всѣхъ новыхъ теченій, увлекавшихъ русское и заграничное еврейство въ текущемъ столѣтіи,—съ другой. «Отрывки» написаны сжатымъ отвлеченнымъ языкомъ и имѣютъ нѣкоторое сходство съ «Essays» лучшихъ англійскихъ мыслителей. Они начинаются обыкновенно изложеніемъ и поясненіемъ извѣстныхъ результатовъ такъ-называемой «Народной психологіи», и, послѣ того, какъ читатель уже вполнѣ освоился съ основной общей идеей автора, этотъ

послѣдній примѣняетъ общую идею къ какому-нибудь *специально-еврейскому* вопросу. Иногда основная идея находитъ столь ясное выраженіе въ первой части «Отрывка», что потомъ достаточно двухъ-трехъ строчекъ, чтобъ еврейскій читатель увидѣлъ цѣлое великое явленіе въ жизни или исторіи евреевъ въ совершенно новомъ и неожиданномъ свѣтѣ. Вслѣдствіе сжатости ихъ слога, эти «Отрывки» почти не поддаются краткому изложенію. У «А.-Гаама» нѣтъ ни одного лишняго слова, и еслибъ онъ могъ писать тѣмъ водянистымъ слогомъ, которымъ наши писатели обыкновенно пользуются при обсужденіи вопросовъ еврейства, то изъ восьми своихъ «маленькихъ бесѣдъ», занимающихъ всего-на-всего какихъ нибудь 56 страницъ (pp. 167—223), онъ бы легко могъ составить цѣлую объемистую книгу. Краткости ради, намъ придется, къ сожалѣнію, удовольствоваться изложеніемъ однихъ лишь четырехъ, особенно важныхъ для пониманія духовнаго сіонизма, «Отрывковъ».

Прежде всего займемся третьимъ, чуть-ли не самымъ интереснымъ «отрывкомъ», подъ заглавіемъ: «Къ исторіи положительнаго и отрицательнаго».

Борьба за существованіе имѣетъ мѣсто не только среди живыхъ организмовъ, но и среди идей и мыслей. «Въ нѣдрахъ медленнаго развитія», незамѣтно для всѣхъ, накопляются незначительныя уклоненія отъ общепринятыхъ взглядовъ и господствующихъ мнѣній, и по прошествіи извѣстнаго времени, когда накопленія становятся значительными, обыкновенно обнаруживается, что совершенно новая идея, плодъ медленно народившейся потребности, какъ бы вдругъ и самородно появилась на свѣтъ Божій. Эта новая идея можетъ быть положительною или отрицательною. Собственно говоря, и въ положительной идеѣ заключается извѣстное отрицаніе, хотя на первыхъ порахъ не подозрѣваютъ этого и сами приверженцы ея, а если они чувствуютъ нѣчто подобное инстинктивно, они стараются скрывать это, подчасъ отъ самихъ себя. Но приверженцы той старой идеи, которую новая затрагиваетъ, хотя

бы только невольнымъ или косвеннымъ образомъ, обыкновенно тотчасъ же чуютъ опасность, которою «новизна» угрожаетъ ихъ взглядамъ, и борьба разгорается. Мало-по-малу наступаетъ перемиріе и положительная часть новой идеи соединяется съ положительной и разумной частью старой, послѣ того какъ каждая изъ нихъ отреклась отъ своихъ крайностей. Примѣромъ можетъ служить средневѣковая философія евреевъ. «Сначала—положительная система, возникшая у единичныхъ личностей: *потребность понимать* явленія природы и человѣческой жизни, вмѣстѣ съ *вѣрой* въ достиженіе этого пониманія при помощи арабской философіи; затѣмъ—распространеніе этой системы, война со стороны раввиновъ, усмотрѣвшихъ въ ней опасность для другого стараго положенія—для изученія религіозной литературы и исполненія религіозныхъ предписаній,—«оправдательныя разъясненія» новаторовъ, отрицающихъ существованіе такой опасности, и, наконецъ, религія и философія идутъ на компромиссъ: первая становится «раціональной религіей» (Emunah Zeruphah), а вторая—«религіозной философіей» (p. 176).

Гораздо хуже дѣло обстоитъ съ чисто отрицательными системами вродѣ караимства. Тамъ никакое примиреніе невозможно, такъ какъ каждый изъ противниковъ сознательно отдаляется отъ ненавистныхъ ему идей. Караимство лишь вычеркнуло извѣстную часть іудаизма, ничѣмъ не заполнивъ оказавшагося пробѣла. Естественно, что «въ началѣ, когда эта секта еще преслѣдовалась и преслѣдовала, она была полна жизни и чувства, пламенной ненависти къ Талмуду и безпредѣльной любви къ оставшемуся догмату — къ Библіи; но съ тѣхъ поръ, какъ она окончательно отдѣлилась отъ остального еврейства и ни ея любовь, ни ея ненависть не находили болѣе пищи въ духѣ сопротивленія, въ ней прекратилось всякое живое развитіе и по сей день она осталась неподвижной, какъ камень» (pp. 177—178).

Однако, исключительно-отрицательное движеніе вродѣ караимства—явленіе не слишкомъ частое. Въ большинствѣ слу-

чаевъ сами приверженцы отрицанія ищутъ какого-нибудь новаго положенія для того, чтобы заполнить образовавшійся въ душѣ пробѣлъ. И когда они находятъ таковое, они соединяются съ его приверженцами, и на свѣтъ появляется новая «система, смѣшанная изъ положенія и отрицанія». Но по прошествіи нѣкотораго времени, приверженцы отрицанія начинаютъ критически относиться и къ этой новой системѣ. Замѣчается нѣчто вродѣ реакціи, означающей, однако, не близкопредстоящій возвратъ къ старому, а назрѣвшую потребность въ третьей, «средней системѣ», которая выберетъ все хорошее и разумное изъ старой и новой системъ и всему этому придастъ новую форму, вполнѣ соотвѣтствующую духу и потребностямъ времени.

Такого рода отрицательное движеніе появилось среди западныхъ евреевъ къ концу прошлаго столѣтія. Многіе приверженцы отрицанія, отвергшіе разныя дѣйствительно устарѣвшія формы іудаизма, примкнули къ приверженцамъ новаго положенія, состоявшаго въ требованіи для нѣмецкихъ евреевъ гражданской жизни, просвѣщенія и соціально-политическаго равноправія. Оба рода приверженцевъ соединились въ единодушной борьбѣ противъ еврейской религіи и національности. Много лѣтъ прошло въ одной отрицательной работѣ безпощаднаго разрушенія всего положительнаго въ іудаизмѣ, пока не народились люди, которые не могли допустить, чтобъ просвѣщеніе и эмансипація поглотили все специфически-еврейское. И вотъ они, не довольствуясь однимъ отрицаніемъ, стали искать новаго положенія, которое одни думали найти въ роскошныхъ синагогахъ съ безконечными водянистыми проповѣдями и хорошенькими синагогальными пѣвицами, а другіе, самые выдающіеся среди нихъ—въ «наукѣ еврейства», которая также не въ состояніи заполнить пустоту, такъ какъ живой народъ не можетъ довольствоваться однимъ своимъ прошлымъ и одной своей древней литературой. И вотъ, многіе изъ западно-европейскихъ евреевъ или совсѣмъ отрекаются отъ *еврейства* или же заполняютъ пустоту, медленно образовав-

шуюся благодаря отрицанію, старыми положеніями, и въ Германіи возникаетъ новая окаменѣлая ортодоксія съ Гильдесгеймеромъ и С. Р. Гиршемъ во главѣ.

Въ Россіи вся эта исторія должна была повториться въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Но благодаря еврейской литературѣ на нашемъ національномъ языкѣ, которая здѣсь, на сѣверѣ, достигла такого пышнаго расцвѣта, и вслѣдствіе разныхъ другихъ культурно-историческихъ обстоятельствъ, къ намъ, русскимъ евреямъ, привилась та «средняя система», которой впервые придали новую форму именно германскіе евреи, раввинъ Калишеръ и соціалистъ Гессъ. И вотъ намъ стало ясно, что только эта система, стремленіе къ гражданской жизни и соціально-политическимъ правамъ, но на исторической почвѣ и при полномъ возрожденіи, какъ еврейства, такъ и іудаизма, — что только такая «смѣшанная система» можетъ возстановить гармонію между новымъ и старымъ, облекая и то, и другое въ новую форму. И мы стоимъ и глядимъ на эту «форму», столь простую, столь естественную и всѣмъ понятную безъ всякаго мудрствованія, и удивляемся только, почему она явилась такъ поздно» (р. 181).

«Развѣ нужно еще, — спрашиваетъ авторъ «Отрывка», — назвать ее также по имени или указать пальцемъ на Востокъ — *на страну нашихъ предковъ?*»

На необходимость сіонизма въ качествѣ идеи, объединяющей все еврейство и стремящейся къ созиданію національнаго центра, на который всѣ евреи всѣхъ странъ могли бы смотрѣть какъ на первоисточникъ ихъ духовно-національнаго творчества какъ въ прошломъ, такъ и въ будущемъ, — указываетъ другой не менѣе замѣчательный «Отрывокъ» подъ заглавіемъ: «Подражаніе и ассимиляція» [1].

Подражаніе, которое мы привыкли считать «обезьяньей привычкой», а на самомъ дѣлѣ, не будь его, образованіе

---

[1] *Русскій переводъ И. Г. Шенкина.* Изданіе товарищества „Ахіасафъ", *С.-Петербургъ, 1899.*

какихъ бы то ни было общихъ понятій, законовъ, общественныхъ нравовъ и, въ особенности, образованіе языка, было бы совершенно невозможно, — бываетъ двоякаго рода: рабское, «самоуничижительное подражаніе» (Chikkuj schel hithbatluth), доходящее до самостушевыванія и обезличенія, и вольное, «соревновательное подражаніе» (Chikkuj schel hithcharuth), стремящееся къ «проявленію индивидуальности подражателя такимъ же образомъ, какимъ подражаемый субъектъ проявилъ *свою* индивидуальную сущность». Подражаніе перваго рода образуетъ статику человѣческаго общества, а подражаніе второго рода—динамику его. Первое стремится къ упроченію тѣхъ порядковъ, законовъ и обычаевъ, которые были установлены древними предками, этими историческими «центрами подражанія», передъ которыми потомки рабски преклоняются, доходя до самостушевыванія; второе же старается, изъ самолюбія и порою даже изъ зависти, опередить и перещеголять подражаемаго, «измѣнить то, чему подражаетъ, постольку, поскольку духъ или положеніе подражателя отличается отъ духа или положенія подражаемаго» (Русскій переводъ, стр. 9). Итакъ первый родъ подражанія есть источникъ традиціи, а второй—источникъ прогресса.

Когда сталкиваются два неравные по своему политическому могуществу народа, тогда болѣе слабый народъ обыкновенно начинаетъ самъ стушевываться и рабски подражать народу болѣе сильному. Но если столкнувшіеся народы равносильны въ политическомъ отношеніи или даже если политически-слабый народъ сильнѣе нравственно и умственно, тогда начинается не рабское, а соревновательное подражаніе. Каждый народъ старается позаимствовать у другого самыя лучшія пріобрѣтенія послѣдняго, съ тѣмъ, чтобъ потомъ видоизмѣнить все чужое, соотвѣтственно его собственнымъ понятіямъ и всему его духовному складу. Въ первомъ случаѣ рабское подражаніе должно довести до стушевыванія, которое въ свою очередь доводитъ *народъ* до полнѣйшей ассимиляціи. Такъ случилось *со всѣми небольшими* народностями древняго Востока, которые

слишкомъ преклонялись передъ физической силой своихъ завоевателей и раболѣпно благоговѣли передъ ихъ политическимъ могуществомъ, вслѣдствіе чего они относились съ презрѣніемъ къ своимъ собственнымъ силамъ и въ концѣ концовъ совершенно затерялись среди своихъ побѣдителей.

Не то случилось съ римлянами. Они, правда, также почувствовали какое-то благоговѣніе передъ геніемъ эллинскаго народа, съ которымъ они довольно рано пришли въ столкновеніе, и Катонъ тщетно старается затормазить вліяніе эллинизма на римскую культуру. Но римляне, вмѣсто того, чтобъ дойти въ своемъ подражаніи до самообезличенія, сдѣлали попытку приспособить всю греческую культуру къ своему собственному народному духу. Ихъ подражаніе стало соревновательнымъ, и мы имѣемъ теперь не только греческихъ, но и римскихъ классиковъ. То же самое случилось съ русскими, которые на первыхъ порахъ, вслѣдъ за нововведеніями Петра Великаго, рабски подражали Западу, но вскорѣ начали приспособлять всѣ западныя понятія къ стремленіямъ собственнаго народа, и, такимъ образомъ, у нихъ возникла довольно самостоятельная культура, которая, въ лицѣ Толстого, Тургенева, Достоевскаго и др., въ свою очередь начала вліять на литературы западной Европы.

Въ еврейскомъ народѣ замѣчается весьма сильная склонность къ подражанію. Но, къ счастью, евреи всегда старались приспособлять подражаемое къ собственнымъ своимъ культурно-историческимъ традиціямъ, такъ какъ передъ одной политической силой они никогда не преклонялись; а ихъ умственное развитіе было всегда достаточно высоко, чтобъ не доходить до полнаго и продолжительнаго самоступевыванія. Кому не знакома борьба еврейства съ эллинизмомъ, этихъ двухъ высшихъ духовныхъ силъ древности, создавшихъ новую Европу? Греческая культура считалась въ александрійскую эпоху высшимъ проявленіемъ человѣческаго духа; а между тѣмъ александрійскіе евреи были очень далеки отъ ассимиляціи. Филонъ и его предшественники считали нужнымъ приспособить эллинизмъ

къ іудаизму, и очень часто они даже указывали на преимущества послѣдняго передъ первымъ. «Если бы тѣ толковники,—говоритъ «А.-Г.»,—которые перевели Библію на греческій языкъ для египетскихъ евреевъ, перевели и Платона на еврейскій языкъ для палестинскихъ евреевъ, чтобы тѣмъ сдѣлать духовную силу эллинизма достояніемъ нашего народа *въ его странѣ и на его языкѣ*,—тогда, быть можетъ, и въ Палестинѣ самостушевываніе перешло бы въ соревнованіе, самое возвышенное и самое существенное для развитія настоящаго еврейскаго духа. Понятно, что тогда не было бы мѣста «отщепенцамъ и измѣнникамъ» и мы, быть можетъ, не нуждались бы въ Маккавеяхъ и не имѣли бы всѣхъ тѣхъ культурныхъ послѣдствій, причина которыхъ коренится въ событіяхъ того періода. И—какъ знать—быть можетъ вся исторія человѣческаго рода пошла бы тогда по совершенно иному пути» (Русскій переводъ, стр. 15).

Но этого не случилось. Только цѣлое тысячелѣтіе спустя, евреи арабской Испаніи познакомились съ греческой философіей и тотчасъ же примѣнили ее къ іудаизму. И что же мы видимъ? «Самостушевываніе быстро переходитъ въ соревнованіе, и подражаніе *въ такой формѣ* совершаетъ чудеса». Еврейство какъ будто вновь помолодѣло. Богатая, чудная поэзія, глубокая философская религія и богатый обновленный языкъ — вотъ слѣдствія подражанія испанскихъ евреевъ греко-арабской культурѣ. Должны-ли мы послѣ всего этого бояться ассимиляціи, даже при видѣ тѣснѣйшаго сближенія евреевъ съ христіанами, даже при крайне подражательномъ отношеніи нѣмецкихъ евреевъ къ ихъ арійскимъ согражданамъ? Вѣдь даже религіозныя реформы западныхъ евреевъ суть не что иное, какъ соревновательное подражаніе тому хорошему, что, по мнѣнію Гейгера и его сподвижниковъ, можно было найти у протестантовъ и что, по ихъ мнѣнію, стоило перенести въ измѣненномъ и приспособленномъ видѣ на еврейскую почву. Еслибъ нѣмецкіе евреи, дѣйствительно, дошли до полнаго

самоотреченія, они, конечно, ужъ и не заботились бы о какомъ бы то ни было усовершенствованіи іудаизма.

Ассимиляціи, слѣдовательно, бояться нечего. Можно только опасаться, чтобъ евреи различныхъ странъ, изъ которыхъ каждый подражаетъ, хотя бы и невольно, лишь духу той страны, въ которой онъ живетъ,—современемъ настолько не разошлись въ культурномъ отношеніи, что они совершенно перестанутъ чувствовать свое національное единство. Русскіе евреи, напр., когда-то подражали нѣмецкимъ, а нынѣ они во всемъ отличаются отъ этихъ послѣднихъ. Восточные евреи теперь почти рабски подражаютъ французскимъ, но современемъ они, вѣроятно, тоже станутъ вполнѣ новымъ еврейскимъ культурнымъ типомъ. Противъ такого распаденія націи есть лишь одно и единственное средство. Надо образовать одинъ общій культурный «центръ подражанія», который былъ бы одинаково дорогъ и авторитетенъ для всѣхъ евреевъ всѣхъ странъ. Само собою разумѣется, что такимъ культурнымъ центромъ не можетъ стать никакая Аргентина, никакой Кипръ, съ которыми все еврейское племя не связано исторически, а единственно и исключительно древній «центръ подражанія» всего историческаго еврейства — страна нашихъ предковъ, колыбель іудаизма и край всѣхъ лучшихъ надеждъ разсѣяннаго еврейства во всѣ времена.

Въ вышеизложенныхъ двухъ «Отрывкахъ» «Ахадъ-Гаамъ» доказываетъ необходимость сіонистской идеи для дальнѣйшаго существованія и развитія іудаизма. Въ слѣдующихъ двухъ «Отрывкахъ», которые мы попытаемся изложить, онъ указываетъ на то, что эта идея не есть нѣчто случайное и произвольно-придуманное, а напротивъ, неизбѣжное слѣдствіе старыхъ еврейскихъ вѣрованій, пустившихъ глубокіе корни въ народѣ и долженствовавшихъ по исторической необходимости принять совершенно новую, современную форму.

Первый изъ этихъ «Отрывковъ» озаглавленъ: «Преждевременныя и запоздалыя идеи» (стр. 181—189).

Въ книгахъ или кодексахъ законовъ нерѣдко встрѣчаются

идеи или законы, которые не обращаютъ на себя общаго внимания потому, что они не соотвѣтствуютъ духу современности. Они бываютъ двоякаго рода: *преждевременные*, т. е. такіе, до которыхъ общественное сознаніе еще не доросло, и *запоздалые*, т. е. такіе, которые общественное сознаніе уже переросло и оставило за собой. Хотя въ данное время такіе законы или идеи могутъ считаться мертвыми, т. е. уже отжившими свой вѣкъ или еще не народившимися въ общественномъ сознаніи, они, тѣмъ не менѣе, могутъ оказаться весьма важными по истеченіи извѣстнаго времени, когда безостановочно прогрессирующій духъ общества дойдетъ до умственнаго уровня тѣхъ великихъ людей, которые постигли эти для большинства пока еще преждевременныя идеи, и одухотворитъ безжизненныя мысли, которыя станутъ какъ бы тѣломъ для этого развившагося духа; или же произойдутъ какія-нибудь соціальныя колебанія и общественное сознаніе опять станетъ на томъ уровнѣ, на какомъ были провозглашены эти нынѣ запоздалыя идеи.

Примѣромъ преждевременной идеи можетъ служить *монотеизмъ*. Всѣ древніе народы, какъ доказано англійскими соціологами, вѣрили въ двойной политеизмъ. Съ одной стороны, они боготворили силы природы, отъ которыхъ первобытные люди столь часто страдали, а съ другой—каждый изъ древнихъ народовъ имѣлъ свое національное божество, долженствовавшее хранять и защищать данный народъ отъ всего того *человѣческаго* зла, которое могъ ему причинить другой какой-либо народъ. И народъ Израильскій былъ на зарѣ своей исторіи не лучше всѣхъ другихъ народовъ. Онъ считалъ своего Егову только національнымъ божествомъ, къ помощи котораго онъ обращался лишь тогда, когда сосѣдніе народы его притѣсняли; когда его оставляли въ покоѣ, онъ поклонялся «чужимъ богамъ», т. е. олицетвореннымъ силамъ природы (какъ разсказывается въ «Книгѣ Судей»). Это былъ тотъ же двойной политеизмъ. Настоящій монотеизмъ жилъ тогда лишь въ сознаніи единичныхъ *выдающихся* личностей, а для огромнаго большинства

израильтянъ онъ былъ преждевременною идеею. Лишь въ изгнаніи, во время вавилонскаго плѣненія, когда всѣ помыслы іудеевъ сосредоточились на продолженіи національнаго существованія, лишь тогда національное божество становится для всѣхъ возвратившихся изъ плѣна Богомъ Единымъ и Вездѣсущимъ, Который простираетъ Свою власть не только на Свой народъ въ его родной странѣ, но и на чужбинѣ, Который, наконецъ, имѣетъ власть и надъ всѣми чужими народами. Тогда только великая идея пророковъ, издавна пропагандировавшихъ монотеизмъ, была воспринята и сознана всѣмъ народомъ, и лишь тогда она перестала быть преждевременною.

Примѣромъ запоздалой идеи можетъ служить идея «возрожденія Сіона» (Schibath Zion). Послѣ разрушенія второго храма эта идея стала пламенной надеждой, будившей къ дѣятельности и воодушевившей Баръ-Кохбу и другихъ еврейскихъ борцовъ-героевъ. А потомъ, послѣ того, какъ еврейскія возстанія потерпѣли неудачу, она превратилась въ какое-то смутное, мистическое стремленіе къ «мессіанскимъ временамъ»,—стремленіе, которое прорвалось наружу съ необычайной силой, но и въ послѣдній разъ, во время лжемессіи Саббатая Цеви. Послѣ этого знаменитаго псевдо-мессіанскаго движенія, такъ дорого обошедшагося еврейству и такъ печально окончившагося для вѣрующихъ, ортодоксы потеряли вѣру во всякаго земного освободителя-чудотворца, а распространеніе просвѣщенія съ своей стороны способствовало исчезновенію этихъ «обманывавшихся обманщиковъ». Надежда на возрожденіе стала, такимъ образомъ, вполнѣ отжившей, запоздалой идеей.

Но вотъ извѣстныя причины—развитіе духа гражданственности среди западно-европейскихъ евреевъ и распространеніе идеи націонализма въ Европѣ вообще и среди восточно-европейскихъ евреевъ въ особенности, въ связи съ разными внѣшними обстоятельствами — способствовали тому, чтобъ *поздалая идея снова* облеклась въ плоть и получила совершенно *новую и естественную* форму. Палестинская идея, или сіонизм

какъ идея возрожденія, вступила въ новый фазисъ развитія. Старая, но помолодѣвшая надежда, не довольствовавшаяся уже бездѣльемъ и не ожидающая больше чудесъ, сама творитъ чудеса въ средѣ стараго и вѣчно-юнаго Израиля. И мы, приверженцы этой идеи, должны съ благодарностью поминать старую надежду нашихъ предковъ: еслибъ эти послѣдніе не пріютили запоздалой идеи въ сердцѣ своемъ и не дали ей мѣста въ молитвахъ и религіозныхъ книгахъ, духъ новаго времени, быть можетъ, такъ и не нашелъ бы того новаго пути къ освобожденію и возрожденію нашего многострадальнаго народа, на который мы теперь ступаемъ съ теплой вѣрой и свѣтлой надеждой, сопровождаемыми посильнымъ трудомъ...

Итакъ, намъ ясно, что старая надежда должна была воскреснуть именно въ настоящее время и въ настоящемъ ея видѣ. Но здѣсь является вопросъ: не можетъ-ли эта надежда перемѣнить свой центръ тяжести, какъ того желали такъ-называемые «аргентинцы», стремившіеся къ образованію вполнѣ новаго еврейскаго центра внѣ Палестины, точно такъ же, какъ къ этому стремится теперь большинство нашихъ «кипристовъ»?... На этотъ вопросъ даетъ прекрасный отвѣтъ слѣдующій «Отрывокъ» — «Прошедшее и Будущее».

Индивидуальное «я» есть, по мнѣнію новѣйшихъ философовъ, не что иное, какъ внутреннее сознаніе человѣка, соединяющее всѣ воспоминанія прошлаго со всѣми желаніями въ настоящемъ и надеждами на будущее. Молодой человѣкъ, бѣдный воспоминаніями, обыкновенно богатъ желаніями и надеждами; старикъ же, бѣдный желаніями и надеждами, живетъ почти однимъ лишь прошлымъ. Однако и старикъ не всегда довольствуется одними воспоминаніями; онъ создаетъ себя также будущую, загробную жизнь. Это — «будущее, вполнѣ соотвѣтствующее старческимъ наклонностямъ: оно не требуетъ никакой затраты силъ, никакихъ дѣйствій, и живетъ, такъ сказать, на всемъ готовомъ»... (р. 190).

Такъ дѣло обстоитъ и съ національнымъ «я». Оно также *есть лишь сумма* историческихъ воспоминаній прошлаго,

народныхъ вожделѣній въ настоящемъ и національныхъ упованій на блестящее будущее. Когда народъ молодъ, онъ больше всего мечтаетъ о будущемъ; даже его прошлое рисуется ему въ заманчивыхъ поэтическихъ образахъ, соотвѣтствующихъ этимъ мечтамъ. Не то бываетъ, когда народъ ослабѣваетъ и старѣетъ. Тогда онъ озирается назадъ и ищетъ утѣшенія въ своемъ лучезарномъ прошломъ. Тогда являются археологи, которые собираютъ его древности, ученые, которые отыскиваютъ и возстановляютъ текстъ разныхъ заплѣсневѣлыхъ рукописей, философы-эклектики, которые питаются крохами, упавшими со стола ихъ предшественниковъ, пишутъ комментаріи къ сочиненіямъ древнихъ и комментаріи къ комментаріямъ, и т. д. Такъ было въ александрійскую эпоху, когда греческій народъ уже успѣлъ состариться и одряхлѣть. Всѣ философы этой эпохи не обнаруживаютъ настоящаго самостоятельнаго творческаго генія: взамѣнъ новыхъ животворящихъ идей, александрійскіе ученые и философы провѣряютъ старинные тексты Гомера и великихъ трагиковъ, комментируютъ Платона и Аристотеля, строятъ эклектическія философскія системы, и т. д. И греческій народъ, не имѣя передъ собою никакого будущаго, влачитъ жалкое и безцѣльное существованіе, безъ великихъ народныхъ упованій, безъ свѣтлаго національнаго идеала.

Еврейскій народъ былъ уже во время вавилонскаго плѣненія многолѣтнимъ старцемъ, а потому наши ученые стали уже тогда заботиться больше всего о прошломъ: они собираютъ старинныя книги и канонизируютъ ихъ. Но кромѣ ученыхъ (sopherim), у насъ тогда были еще и пророки, которые поняли, что безъ надеждъ на будущее невозможно еврейскому народу возродиться и продолжать свое существованіе. И вотъ они внушаютъ народу ту великую надежду на освобожденіе (Geulah), которая впослѣдствіи перешла въ полу-мистическій мессіанизмъ и о которой мы говорили нѣсколько выше. Эта смутная надежда *жила въ какомъ-то* укромномъ уголкѣ еврейскаго сердца, и *народъ, находясь* въ теченіе всего средневѣковья въ стоко

угнетенномъ и безпомощномъ состояніи, придалъ ей вполнѣ соотвѣтствующую старческому бездѣлью форму сверхъ естественнаго вмѣшательства, исключающаго всякую необходимость и возможность народной самодѣятельности въ цѣляхъ національнаго самоосвобожденія.

Но состарѣвшійся народъ можетъ помолодѣть благодаря духовному общенію съ новыми, болѣе юными народностями. Въ концѣ-концовъ сравненіе народа съ индивидомъ, который, достигая старости, неминуемо умираетъ, есть лишь болѣе или менѣе подходящая метафора. У цѣлаго народа физіологическій законъ постепеннаго истощенія организма недѣйствителенъ; нація подчиняется не физіологическимъ, а соціально-психологическимъ законамъ. И если соціальное положеніе народа благопріятствуетъ возстановленію, такъ сказать, его національной психики, онъ можетъ снова окрѣпнуть и стать жизнеспособной и сильной націей. Нужно только дать ему цѣль въ жизни, національныя стремленія, надежды и вѣру въ будущее.

Еврейство почти всегда находилось среди сравнительно-юныхъ народовъ Европы. И когда они его выпустили на волю изъ средневѣковаго гетто, когда оно начало приходить въ соприкосновеніе съ новѣйшей цивилизаціей, оно должно было обновиться и помолодѣть. Ему только недоставало великой надежды на національное возрожденіе, обновленной, животворящей идеи возрожденія. Но «нѣмцы, Моисеева закона» вычеркнули всякое воспоминаніе о Сіонѣ изъ реформированнаго молитвенника и, взамѣнъ этого, создали на нѣмецкомъ языкѣ богатую литературу, занимающуюся лишь историческимъ прошлымъ Израиля — его древностями, его старинными книгами и запыленными рукописями. «Между новымъ молитвенникомъ, въ которомъ и помину нѣтъ о *будущемъ*, и новой литературой, трактующей объ исторіи *прошлаго*,—говоритъ «Ахадъ-Гаамъ»,— есть внутренняя психологическая связь, всю силу которой не подозрѣваютъ и сами новаторы: старость, которую сознательно *лишили всякой* надежды, ищетъ утѣшенія и вознагражденія

за свою потерю. И вотъ ей указываютъ на прошлое съ тѣмъ, чтобъ она имъ заинтересовалась и пробавлялась имъ до тѣхъ поръ, пока она не образумится и не пойметъ, что прошедшее безъ будущаго не имѣетъ надобности въ спеціальномъ «я», долженствующемъ быть постояннымъ его носителемъ; что если прошедшее достойно сохраненія въ памяти человѣческаго рода, то оно сохранится само-собою, даже если первые его обладатели его больше хранить не будутъ. А исключительно изъ-за одного аристократическаго тщеславія — чтобъ можно было говорить всѣмъ: «Наши предки Римъ спасли», — не стоитъ жить и страдать» (р. 190).

Но мы уже видѣли, что цѣльное національное «я» состоитъ столько же изъ прошедшаго, сколько изъ будущаго. Слѣдовательно, *ученые*, распространяющіе среди евреевъ познаніе ихъ историческаго прошлаго, приносятъ свою долю пользы — и долю весьма значительную. Нужны только еще и *пророки*, которые укрѣпили бы вѣру въ будущее, зиждущуюся именно на этомъ прошломъ. Лишь при совмѣстныхъ усиліяхъ тѣхъ и другихъ возрастетъ и окрѣпнетъ національное «я» всего еврейскаго народа.

Къ сожалѣнію, есть среди насъ партія, которая хочетъ создать *будущее безъ прошедшаго*, «которая вѣритъ, что послѣ тысячелѣтней исторіи можетъ народъ начать все сызнова, какъ новорожденный младенецъ: создать себѣ новую національную страну и новыя національныя стремленія и зажить новою національною жизнью. Эта партія забываетъ, что *народъ*, т. е. національное «я» въ своей исторической формѣ, *онъ*-то именно и хочетъ существовать, онъ самъ, какъ есть, а не ставши другимъ, онъ весь со своими воспоминаніями и упованіями; и что, еслибъ «онъ» могъ превратиться въ «не-онъ», то ужъ давно онъ нашелъ бы много ведущихъ къ этому путей. Правда, есть еще «я»: индивидуальное, временное «я» каждаго отдѣльнаго еврея; и это «я», если борьба за существованіе *становится для него слишкомъ* тягостной, можетъ, конечно, *искать себѣ спасенія всякимъ* образомъ и найти себѣ убѣжище

во всякомъ мѣстѣ (въ Аргентинѣ, на островѣ Кипрѣ и т. д.); и каждый, кто помогаетъ тысячамъ такихъ «я», какимъ бы то ни было образомъ и въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, приноситъ временную пользу всему народу, части котораго составляютъ эти «я» [1]. Но совсѣмъ другое дѣло — національное вѣчное «я» *народа* еврейскаго, — и тѣ, которые вѣрятъ, что и *это* «я» можно повести по *тому* пути, по которому *они* ступаютъ, впадаютъ въ крупную ошибку: путь еврейскаго народа уже давно предначертанъ и опредѣленъ его *сущностью*, а эта его сущность *создастъ свою будущность на основаніи прошедшаго*».

IV.

Остальные четыре «Отрывка» мы, по недостатку мѣста, назовемъ почти только по имени.

Первый изъ нихъ трактуетъ о «Святомъ и Мірскомъ» (Kodesch Wechol) и указываетъ на то, что религія освящаетъ не только свои цѣли, но и тѣ средства, которыя служатъ къ достиженію этихъ цѣлей. Вотъ почему іудаизмъ допускалъ всякія внутреннія измѣненія, если только они дѣлались въ рамкахъ освященныхъ формъ, но никогда не потерпитъ полной отмѣны этихъ формъ, какъ это сдѣлали караимы въ прошломъ и реформисты въ настоящемъ.

Второй «Отрывокъ», озаглавленный «Правосудіе и Всепрощеніе», занимается однимъ весьма важнымъ общимъ вопросомъ антропологической криминологіи.

Третій, одинъ изъ самыхъ интересныхъ «Отрывковъ», подъ названіемъ «Два Міра» (Schthei Reschujoth), разбираетъ съ самой новой научной точки зрѣнія происхожденіе и разви-

---

[1] Напоминаемъ читателю о приведенномъ въ концѣ первой главы настоящей статьи важномъ различіи, которое „А.-Г." дѣлаетъ „между еврейскими общественными вопросами, — вопросами, касающимися матеріальнаго благосостоянія и общечеловѣческаго духовнаго развитія многихъ человѣческихъ индивидовъ, принадлежащихъ къ еврейскому народу, — и между вопросами еврейской жизни, касающимися всего еврейства, какъ цѣльной духовно-исторической и національно-культурной единицы".

тіе антисемитизма. На основаніи извѣстнаго психологическаго явленія душевной двойственности, выражаетъ «А.-Г.» сомнѣніе въ томъ, чтобъ развитіе наукъ и гуманныхъ идей было когда-нибудь въ состояніи вполнѣ искоренить вражду къ еврейству, ставшую чуть-ли не наслѣдственною болѣзнью. Мы впослѣдствіи еще коснемся этого весьма важнаго «Отрывка».

Наконецъ, послѣдній «Отрывокъ»—«Жрецъ и Пророкъ»—имѣетъ цѣлью показать всю безсмысленность и неосновательность пресловутой «Missionidee» нѣмецко-еврейскихъ антинаціоналистовъ, утверждающихъ, будто евреи имѣютъ какую то провиденціальную миссію, во имя которой они должны остаться разсѣянными и скитаться по всему міру. Противъ этой порядкомъ-таки устарѣвшей мысли возстаетъ «А.-Г.» также и въ одной изъ своихъ лучшихъ статей «Рабство въ свободѣ» [1].

С. М. Дубновъ напечаталъ въ «Восходѣ» за 1890 г. статью подъ заглавіемъ «Вѣчные и эфемерные идеалы еврейства», въ которой провелъ параллель между евреями-націоналистами въ Россіи и евреями-универсалистами во Франціи. Послѣдніе издали въ Парижѣ сборникъ «La gerbe», въ которомъ г. Дубновъ нашелъ какое-то «духовное величіе», состоящее въ томъ, что сотрудники этого сборника будто игнорируютъ антисемитизмъ и только то и дѣлаютъ, что твердятъ о вѣчныхъ общечеловѣческихъ идеалахъ. Какъ извѣстно, французскіе евреи эмансипированы вотъ уже цѣлое столѣтіе. Они политически свободны, но «А.-Гааму» этого мало. Онъ находитъ, что вполнѣ равноправные на бумагѣ евреи остались рабами, несмотря на ихъ внѣшнюю кажущуюся свободу. Онъ приводитъ массу выписокъ изъ «La gerbe», въ которыхъ сильно чувствуется какой-то затаенный страхъ передъ іудофобіей, начавшей пускать глубокіе корни въ «notre belle France» (сборникъ «La gerbe» вышелъ въ 1890 г., а статья «А.-Гаама» впервые появилась въ 1891 г., задолго до «дѣла

[1] *Русскій переводъ Н. Василевскаго. Изданіе товарищества „Ахіасафъ". С.-Петербургъ, 1898.*

Дрейфуса»). Часто раздаются въ этомъ сборникѣ горькія жалобы на молчаливое соглашеніе даже французскихъ либераловъ не допускать евреевъ къ извѣстнымъ государственнымъ должностямъ. И, помимо всего этого, въ статьяхъ лучшихъ французско-еврейскихъ мыслителей проглядываетъ плохо замаскированное стремленіе доказать Франціи, что евреи ей весьма полезны, а потому ей *невыгодно* плохо обходиться съ ними. «Эта тактика, говоритъ «А.-Г.», тактика возбужденія состраданія къ еврейскому народу во имя пользы *другихъ*, достаточно извѣстна и намъ. И русско-еврейскіе писатели, отъ Оршанскаго до нашихъ дней, неутомимо выискиваютъ факты и статистическія данныя, чтобъ доказать, что народъ еврейскій — это «дойная корова», которую слѣдуетъ щадить ради ея молока. Наши французскіе ученые не унижаются, конечно, до того, чтобы выразить эту мысль въ такой неприглядной формѣ, и они пытаются облечь ее въ форму болѣе приличную, болѣе «идеальную». Но внутренній смыслъ ихъ словъ отъ этого нисколько не мѣняется, — страшный смыслъ, который одинъ уже достаточно ярко обнаруживаетъ, какъ далеки по своимъ чувствамъ даже наши западно-европейскіе братья отъ истинно-свободныхъ людей. Представьте себѣ, что разбойники окружили меня и я взываю: спасите! *Человѣкъ* въ опасности!—Неужели-же этого призыва недостаточно, чтобъ обязать каждаго поспѣшить ко мнѣ на помощь? Развѣ не страшный позоръ для меня, позоръ горьше смерти, если я долженъ доказать, что опасность, въ которой я нахожусь, грозитъ и другимъ, всему человѣческому роду. Какъ будто «моя кровь не красна», и лишь тогда ея нельзя проливать, когда она смѣшана съ кровью другихъ людей, какъ будто человѣческій родъ—это нѣчто отличное отъ меня, нѣчто такое, съ чѣмъ у меня нѣтъ ничего общаго, а не имя собирательное для всѣхъ индивидовъ этого рода, заключающаго въ себѣ и меня». (Русскій переводъ, стр. 15—16).

Во всемъ этомъ «А.-Г.» усматриваетъ «внутреннее рабство, *замаскированное* внѣшней свободой». Это рабство особенно за-

мѣтно когда французско-еврейскіе писатели касаются внутреннихъ интересовъ еврейства. За еврейскую религію они еще умѣютъ постоять, такъ какъ общественное мнѣніе во Франціи вполнѣ равнодушно къ религіознымъ препирательствамъ. Но какъ только дѣло касается національной связи, существующей между французскими евреями и евреями другихъ странъ или Палестиною, мы тотчасъ же замѣчаемъ это нравственное рабство, эту боязнь выказывать свои настоящія чувства къ своему народу, которыя, быть можетъ, придутся не по вкусу крайнему и шовинистическому патріотизму французовъ. Вотъ доказательства:

Извѣстный философъ Адольфъ Франкъ утверждаетъ въ «La Gerbe», что каждый эмансипированный еврей, въ какой-бы странѣ онъ ни жилъ, долженъ быть благодаренъ французамъ временъ великой революціи до такой степени, чтобы считать Францію своею первою отчизною, а второю—ту страну, въ которой онъ родился, что-же касается Палестины, то она для него лишь мѣсторожденіе еврейской религіи и этики, — двухъ единственныхъ основъ вышеупомянутой «миссіи», во имя которой евреи должны продолжать свое существованіе. И вотъ «А.-Г.» ставитъ вопросъ: если изъ одного чувства благодарности къ Франціи, давшей намъ только внѣшнее равноправіе, котораго мы могли-бы достичь и безъ нея, откажись мы отъ своей «миссіи», мы должны предпочитать ее родной странѣ,—почему бы намъ, въ такомъ случаѣ, не предпочесть даже самой Франціи именно ту Палестину, которая дала намъ самую «миссію», причину и конечную цѣль всего нашего существованія!.. Но этого «французамъ Моисеева закона» признать нельзя вслѣдствіе того нравственнаго рабства, тяжелый отпечатокъ котораго наложила на нихъ сама эмансипація.

Другой французско-еврейскій писатель и общественный дѣятель, говоря объ усиленіи національной связи между французскими евреями и евреями другихъ странъ, считаетъ необходимымъ тутъ же прибавить, что хотя евреи Франціи, какъ

извѣстно всякому, большіе патріоты, тѣмъ не менѣе имъ *позволительно* чувствовать состраданіе къ менѣе счастливымъ братьямъ въ другихъ странахъ или радоваться улучшенію ихъ политическаго и соціальнаго положенія. Здѣсь передъ нами какая-то странная самозащита вполнѣ естественнаго внутренняго національнаго чувства, боящагося упрековъ французскаго шовинизма. Не есть-ли и это—одно изъ послѣдствій «рабства въ свободѣ»?

Однако западные евреи купили равноправіе цѣною не одного лишь моральнаго рабства; они за свои права заплатили и своею интеллектуальною свободой. Разъ *націи* еврейской нѣтъ, евреи остаются евреями лишь благодаря *религіи*. Но обрядовая сторона послѣдней рѣдко кѣмъ соблюдается во Франціи; остается только умозрительная система іудаизма. Но и эта послѣдняя все болѣе и болѣе подтачивается новѣйшей наукой, и самъ издатель сборника сознается съ глубокимъ прискорбіемъ, что «научное вольнодумство, носящее имя Дарвина», становится все сильнѣе и сильнѣе. Почему-же и тѣ изъ французскихъ евреевъ, которые уже стали приверженцами этого «научнаго вольнодумства», все еще продолжаютъ оставаться евреями? Причиной этого можетъ быть лишь глубокое національное чувство, живущее безсознательно и даже противъ воли въ душѣ большинства этихъ «французовъ Моисеева закона»,—естественнаго, прирожденнаго чувства, котораго не уничтожить никакими логическими доводами. Но вѣдь сознаться въ этомъ чувствѣ, такимъ евреямъ нельзя: что скажутъ французскіе шовинисты? И вотъ образуется странная и анти-научная теорія, будто каждый народъ былъ созданъ для заранѣе опредѣленной, предначертанной цѣли, которую онъ и долженъ считать своей «миссіей» и ради которой онъ долженъ жить даже вопреки своей собственной волѣ. Еврейство должно, по этой теоріи, существовать волей-неволей до тѣхъ поръ пока *абсолютный* монотеизмъ со всѣмъ вытекающимъ изъ него не одержалъ еще полной побѣды надъ міромъ. Однако, *имѣемъ ли* мы право *активно* содѣйствовать распространенію

этого абсолютнаго монотеизма? «Сохрани Богъ!» — отвѣчаютъ французскіе евреи: — «Наша миссія безостановочно выполняется сама собою, благодаря прогрессу религіозныхъ идей, основа котораго лежитъ въ Св. Писаніи». И лишь изъ за одного этого мы должны остаться евреями, бороться и страдать! — «Горькая усмѣшка невольно появляется на устахъ—говоритъ «А.-Г.»—когда видишь, какъ замѣчательные люди, которые могли бы освѣтить нашему несчастному народу его трудный, усѣянный терніями путь, какъ эти люди занимаются подобнаго рода *забавами* (Schaaschuim), хотятъ увѣрить себя и другихъ, что цѣлый народъ живетъ и несетъ на себѣ тяжелое бремя Торы и всѣхъ ея предписаній и желѣзное иго бѣдствій, страданій и униженій въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій только для того, чтобъ преподать другимъ какую то философскую идею, давно уже разъясненную въ безчисленномъ множествѣ книгъ на всевозможныхъ языкахъ и во всевозможныхъ варіаціяхъ, такъ что всякій, желающій усвоить ее, можетъ отлично обойтись безъ нашей помощи. И это еще въ такое время, когда число такихъ желающихъ уменьшается съ каждымъ днемъ, когда мы сами со дня на день все больше и больше забываемъ свое ученіе». (Русскій переводъ, стр. 25).

Если-бъ эмансипированные евреи не страдали такою раздвоенностью, если бъ они не были, съ одной стороны, рабами въ духовномъ смыслѣ, отдавшими все за мірскія блага, а съ другой—рабами своего безсознательнаго чувства національнаго единства,—они бы никогда не изобрѣли такой метафизической теоріи. Тогда-бы они прежде всего позаботились о матеріальной, естественной, свойственной всякому живому существу, «миссіи», состоящей въ томъ, чтобы создать себѣ тѣ условія жизни, которыя соотвѣтствовали бы его національному характеру и дали бы ему возможность развить свои силы и способности, свою индивидуальность, естественнымъ путемъ, согласно требованіямъ его натуры. Лишь тогда само его свободное развитіе укажетъ ему подходящую историческую миссію, т. е. «выдвинетъ какое нибудь поприще, на которомъ онъ

окажется способнымъ стать учителемъ другихъ народовъ и приносить съизнова пользу всему человѣчеству». Разумѣется, что *эта* миссія будетъ обусловлена и всѣмъ прошлымъ еврейскаго народа. Это будетъ *не метафизическая*, а *историческая миссія*: она явится *не причиной* существованія еврейства, а *слѣдствіемъ* этого историческаго существованія. А пока, пока у насъ еще нѣтъ самостоятельной національной жизни въ странѣ нашихъ предковъ, «А.-Г.» отнюдь не завидуетъ политической свободѣ нашихъ западныхъ братьевъ. «Пусть у меня нѣтъ правъ,—заканчиваетъ онъ свою статью,— но я не продалъ за нихъ души своей. Я могу сказать громко, что люблю всѣхъ своихъ братьевъ, всѣхъ сыновъ моего народа, въ какой бы странѣ они ни жили, не имѣя никакой надобности въ какихъ-либо оговоркахъ и оправданіяхъ; мнѣ не нужно восхвалять свой народъ, ставить его выше всѣхъ народовъ, для того, чтобы найти «оправданіе» его существованію. Я знаю, отчего я остаюсь евреемъ или, вѣрнѣе, я не понимаю вовсе этого вопроса, какъ не пойму, если меня спросятъ, отчего я остаюсь *сыномъ своего отца*. Я могу свободно, не кривя душой, высказывать свое мнѣніе на счетъ религіозныхъ принциповъ и идей, завѣщанныхъ мнѣ моими предками, не боясь расторгнуть этимъ связи между мною и моимъ народомъ; я могу придерживаться «научнаго вольнодумства, носящаго имя Дарвина», не видя въ этомъ никакой опасности для моего еврейства; словомъ, я принадлежу себѣ, я властенъ надъ своими мыслями и чувствами, и у меня нѣтъ никакой причины скрывать ихъ или подавлять ихъ въ себѣ, обманывать другихъ или себя самого... И эту мою духовную свободу—пусть смѣется, кто хочетъ—я не продамъ ни за какія «права» въ мірѣ» (Русскій переводъ, страница 28—29).

Въ тѣсной связи съ этой превосходной статьей находится предшествующая ей небольшая статейка подъ трудно переводимымъ названіемъ: «Cheschbon hanephesch» (Разсчеты души).

Авторъ подробно останавливается на разныхъ способахъ *нравственнаго* удовлетворенія, котораго каждый человѣкъ ищетъ

въ жизни. Въ первобытныя времена всѣ помыслы человѣка направлены на достиженіе матеріальнаго благосостоянія, здоровой и полной земной жизни, нѣсколько измѣненную форму которой принимаетъ въ воображеніи первобытнаго человѣка и жизнь загробная. Естественная жизнь вполнѣ удовлетворяетъ его и, въ то время, какъ разумъ помогаетъ ему достичь возможно большаго блага здѣсь, на землѣ, воображеніе утѣшаетъ его въ неудачахъ и рисуетъ ему блаженную будущую жизнь на небѣ или въ Елисейскихъ Поляхъ. Но по мѣрѣ того, какъ усиливается борьба за существованіе, естественная земная жизнь, достиженіе которой становится особенно труднымъ, начинаетъ мало-по-малу терять въ глазахъ человѣка всю свою прелесть. Появляются люди, находящіе удовлетвореніе исключительно въ этой загробной жизни, въ которой нѣтъ ни борьбы, ни страданій. Увеличивается число отшельниковъ, монаховъ, презирающихъ мірскую суету и проводящихъ дни свои въ бездѣльи вслѣдствіе того-же исканія удовлетворенія и блаженства, которое побуждаетъ другихъ къ дѣятельности и къ погонѣ за земными благами. Но презрѣніе къ естественной земной жизни порождаетъ еще одинъ классъ людей, не находящихъ удовлетворенія и въ загробной жизни. Это—тѣ неудовлетворенные философы, которые мало-по-малу теряютъ вѣру въ жизнь, сопряженную со столькими страданіями и вмѣсто борьбы, которая можетъ окончиться для нихъ пораженіемъ, они ищутъ полнѣйшаго спокойствія, которое и находятъ въ спекулятивномъ мышленіи, въ стоицизмѣ и въ философскомъ аскетизмѣ. Эти праздные философы обыкновенно доходятъ до восклицанія «суета суетъ!» по той же причинѣ, по которой лисица пришла къ заключенію, что виноградъ еще не созрѣлъ; но впослѣдствіи они пріучаютъ себя жить однимъ мышленіемъ, и умъ занимаетъ у нихъ мѣсто воображенія; въ то время, какъ религіозные аскеты живутъ однимъ лишь воображеніемъ съ его заманчивыми картинами будущей жизни, *а къ голосу ума они* мало прислушиваются. Въ результатѣ *получается увеличеніе* числа тунеядцевъ и уменьшеніе энергіи

и дѣятельности, какъ это было въ послѣдніе вѣка греко-римской исторіи.

Нѣчто вполнѣ сходное съ этими явленіями замѣчается и въ исторической жизни еврейства. На зарѣ нашей исторіи любили и мы естественную національную жизнь, боролись, какъ всякій живой народъ, со всѣми врагами и находили утѣшеніе въ видѣніяхъ пророковъ. Но пришло время, когда маленькій народецъ увидѣлъ, что онъ не въ состояніи побороть своихъ болѣе сильныхъ сосѣдей и, потерявъ независимость, пересталъ чувствовать всю прелесть здоровой, земной національной жизни. «Національныя надежды, которыми его когда-то утѣшали пророки, какъ бы невольно перемѣнили свою прежнюю форму и стали чѣмъ то безтѣлеснымъ, сверхъестественнымъ, и изъ такого матеріала жажда бытія построила воздушные замки, вершины которыхъ поднимались до небесъ. Чѣмъ народъ сталъ несчастнѣе и приниженнѣе здѣсь, на землѣ, тѣмъ выше поднимался его духъ и виталъ въ эмпиреяхъ, все болѣе и болѣе отдаляясь отъ живыхъ стремленій и практической дѣятельности въ настоящемъ и увлекаясь фантастическою и мечтательною жизнью, скрытою въ неопредѣленномъ будущемъ. Эта душевная болѣзнь, будучи неминуемымъ слѣдствіемъ народнаго положенія и хода его исторіи, овладѣла въ короткое время всей душой еврейскаго народа и не давала ему больше сойти съ неба на землю, видѣть и чувствовать, какъ жизнь прекрасна, какъ хороша свобода и какъ лишь онъ одинъ несчастенъ; какъ будто онъ инстинктивно чувствовалъ, что такой взглядъ на жизнь угрожаетъ опасностью его внутреннему спокойствію и, быть можетъ, даже его существованію ..» (pp. 143—144).

Здѣсь ясно формулированъ взглядъ «А.-Гаама» на правовѣрный, ортодоксальный іудаизмъ съ его мессіанскими надеждами, пригодными лишь для такого народа, который, какъ евреи въ средніе вѣка, находится въ безвыходномъ положеніи и волей-неволей долженъ отвернуться отъ настоящей земной *жизни*. *Ортодоксія* мертва, но не лучше и та часть нашей

интеллигенціи, которая не признаетъ необходимости новой національной жизни для всего еврейства, какъ націи. Евреи-ортодоксы—это тѣ же отшельники; лучшіе изъ французовъ и нѣмцевъ «Моисеева закона» подобны тѣмъ философамъ-стоикамъ, о которыхъ мы говорили выше. Они руководятся «лисьей философіей»: со сверхъестественными надеждами они уже давнымъ-давно покончили, а сухой, холодный раціонализмъ заставляетъ ихъ сомнѣваться въ возможности достиженія національныхъ благъ естественнымъ путемъ. Но и въ нихъ еще живетъ жажда національнаго бытія и для того, чтобы искоренить ее, имъ необходимо доказать себѣ и другимъ, что здоровая національная жизнь—это «суета суетъ». Они *стараются* увѣрить самихъ себя, или даже подтвердить доказательствами, что «національная любовь—это человѣконенавистничество», а національное единство—нѣчто дѣтское, недостойное стараго и мудраго народа; что еврейскій народъ можетъ и даже долженъ существовать и блаженствовать безъ «незрѣлаго винограда», что изъ всѣхъ народовъ ему одному Богъ далъ совершенно иную миссію, духовную, интеллектуальную, не требующую никакой активной дѣятельности и довольствующуюся одними только раввинами и проповѣдниками...» (р. 144).

Идея возрожденія исключаетъ и этотъ послѣдній взглядъ. Приверженцы ея не принадлежатъ ни къ одной изъ этихъ двухъ противоположныхъ партій. Они не живутъ ни однимъ только фантастическимъ воображеніемъ, ни однимъ лишь холоднымъ разсудкомъ. Они не отшельники, съ одной стороны, и не «мудрствуютъ лукаво»—съ другой. Они знаютъ, что еврейскій народъ столько же подчиняется психологическимъ и соціальнымъ законамъ, сколько и другіе народы. А потому сіонисты добиваются, вмѣстѣ съ націоналистами всѣхъ народовъ, полной и естественной жизни для еврейскаго народа, которая одна дѣлаетъ возможной и активную духовно-культурную работу на благо всему человѣчеству.

Намъ кажется, что въ этой небольшой статьѣ идея возрожденія формулирована какъ нельзя лучше,—идея возрожде-

нія съ ея истинно-прогрессивными стремленіями, съ ея новыми и вполнѣ научными взглядами на еврейскій вопросъ. Собственно говоря «А.-Г.» нестолько разрѣшаетъ вопросы прямымъ путемъ, сколько разъясняетъ ихъ, проливаетъ на нихъ совершенно новый свѣтъ и, благодаря этому, они какъ бы разрѣшаются сами собою. Онъ видитъ внутреннія причины, лежащія въ основаніи внѣшнихъ явленій, а потому онъ легко и просто разгадываетъ разныя загадки, доказывая намъ до очевидности, что «ларчикъ просто открывается». Вотъ почему онъ одинъ изъ всѣхъ современныхъ еврейскихъ писателей умѣетъ отыскать въ каждомъ явленіи нашей жизни такія свѣтлыя или темныя стороны, которыя ускользнули отъ вниманія всѣхъ другихъ наблюдателей. Кажись, что можетъ быть хуже обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови,— этой гнуснѣйшей изъ возводимыхъ на евреевъ вотъ уже цѣлое тысячелѣтіе наглыхъ клеветъ? А между тѣмъ «А.-Г.» и въ этомъ нашелъ долю хорошаго и утѣшительнаго для еврейства. Въ небольшой статьѣ, озаглавленной «Полуутѣшеніе» (Chazi-Nechamah) и написанной по поводу одного изъ столь частыхъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ процессовъ «ритуальнаго убійства», нашъ талантливый писатель обращаетъ особое вниманіе на самую возможность такой клеветы, какъ въ средніе вѣка, такъ и въ концѣ XIX вѣка. Какъ! Еврей, давшій новыя нравственныя понятія и новую религію всему цивилизованному міру, еврей, солящій сырое мясо изъ нежеланія насыщаться даже кровью животнаго,—этотъ еврей становится въ глазахъ множества поколѣній простымъ людоѣдомъ, да еще людоѣдомъ во имя религіозныхъ цѣлей!.. Возможно ли нѣчто болѣе нелѣпое и болѣе возмутительное? Что же мы должны заключить изъ того, что насъ все-таки обвиняютъ въ столь же безсмысленномъ, сколько и страшномъ преступленіи?

«А.-Г.» сначала распространяется насчетъ того сильнаго воздѣйствія, которое общественное мнѣніе имѣетъ какъ на единичную личность, такъ и на цѣлый народъ. Разъ «всѣ *говорятъ», что* тотъ или другой человѣкъ воръ или мошенникъ,

никто, обыкновенно, больше въ этомъ не сомнѣвается. Очень рѣдко кто-нибудь считаетъ нужнымъ провѣрить ходячіе слухи. И что еще хуже—самъ обвиняемый общественнымъ мнѣніемъ мало-по-малу начинаетъ вѣрить въ обвиненіе, на него же взводимое. Разъ *всѣ* говорятъ такъ, значитъ это—правда. И, такимъ образомъ, въ томъ случаѣ, когда «всѣ» совершенно ошибаются вслѣдствіе того, что они судятъ по чисто случайнымъ признакамъ, можетъ произойти то, что обвиняемый, повѣривъ общему мнѣнію, пріобрѣтетъ въ дѣйствительности тотъ порокъ, который ему сначала лишь приписывали. И наоборотъ, если по какимъ-либо внѣшнимъ признакамъ кто-нибудь будетъ принятъ «всѣми» за ученаго или за добряка, то весьма возможно, что онъ постарается оправдать общую молву на дѣлѣ и, раньше или позже, онъ достигнетъ большихъ познаній или станетъ истинно добрымъ человѣкомъ. При этомъ необходимо принять въ соображеніе, что каждый человѣкъ, будучи окруженъ своимъ особеннымъ міркомъ, считаетъ всегда «всѣми» именно тѣхъ, которые ему всего ближе и мнѣніемъ которыхъ онъ особенно живо интересуется.

На насъ, евреевъ, ужъ съ давнихъ поръ «всѣ», цѣлый міръ, возводятъ массу ложнымъ обвиненій. Но пока евреи жили особнякомъ, пока они на самомъ дѣлѣ считали себя «избранниками Божіими», они не обращали вниманія на этихъ «всѣхъ», мнѣніемъ которыхъ они не дорожили и которыхъ они просили лишь оставить ихъ, евреевъ, въ покоѣ. Но вотъ наступило время, когда евреи болѣе или менѣе сошлись съ христіанами и стали интересоваться взглядами послѣднихъ на еврейскій вопросъ. И христіане конца XIX вѣка снова обвиняютъ насъ въ мошенничествѣ, въ пристрастіи къ наживѣ, въ безпорядочности и поверхностности и т. д. А евреи? Они, къ глубокому прискорбію нашему, мало-по-малу стали находить «извѣстную долю правды» во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ: вѣдь «всѣ» такъ говорятъ... Наша интеллигенція разсуждаетъ *слѣдующимъ образомъ*: «Такъ какъ весь міръ приписываетъ *евреямъ извѣстныя* дурныя наклонности, то возможно ли, чтобы

весь міръ былъ неправъ, а правы одни лишь евреи?..» Такое разсужденіе обыкновенно приводитъ къ невѣрному обобщенію фактовъ. Вотъ, напр., еврейскій купецъ N оказался мошенникомъ; изъ этого многіе заключаютъ, что еврей—мошенникъ. Но вѣдь гораздо проще и логичнѣе будетъ предполагать, что «еврейскій купецъ N—мошенникъ», не потому, что онъ еврей, а потому, что онъ—N, т. е. подлая личность вообще, или же потому, что онъ—купецъ, а между нееврейскими купцами есть столько же мошенниковъ, сколько между еврейскими. Слѣдовательно, не принадлежность N. къ классу «евреевъ» является причиной его мошенническаго характера, а принадлежность его къ классу подлыхъ личностей, «N-овъ», или же къ классу «купцовъ». Подобныя размышленія мало кому приходятъ въ голову, и мы сами начинаемъ вѣрить тому, чему «всѣ» вѣрятъ, считая невозможнымъ, чтобъ весь свѣтъ ошибался. Результатомъ такого легковѣрія съ нашей стороны можетъ быть то, что современемъ къ намъ на самомъ дѣлѣ привьется все то нехорошее, что намъ теперь только ложно приписывается. И противъ этой угрожающей намъ опасности, противъ все болѣе и болѣе возрастающаго «еврейскаго антисемитизма», есть лишь одно единственное средство: никогда не забывать о томъ, что насъ обвиняютъ въ такомъ чудовищномъ преступленіи, какъ ритуальное убійство. Ни у какого еврея не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что это обвиненіе, также признанное «всѣми», т. е. огромнымъ большинствомъ нашихъ обвинителей, представляетъ собою одну сплошную ложь и безпочвеннѣйшую клевету. Значитъ, и «весь міръ» можетъ ошибаться. «Пусть же весь міръ—говоритъ «А. Г.»—скажетъ что угодно о нашей нравственной низменности,—мы знаемъ, что это «общее соглашеніе» основывается на вульгарной логикѣ и не имѣетъ никакой истинно-научной подкладки. Ибо, кто знаетъ внутреннюю сущность духа нашего и видѣлъ «еврея» такимъ, какъ онъ есть *самъ по себѣ?* Кто сопоставилъ евреевъ съ нееврями, которые были бы *сходны во всѣхъ* другихъ отношеніяхъ (кромѣ «еврейства»

первыхъ): купцовъ съ купцами, преслѣдуемыхъ съ преслѣдуемыми, голодныхъ съ голодными, и т. д.,—кто вполнѣ научно взвѣсилъ всѣ эти обстоятельства и нашелъ какой-либо перевѣсъ на одной изъ этихъ двухъ сторонъ?—«Но возможно-ли, чтобъ весь міръ былъ неправъ, а правы одни лишь евреи?»—Весьма и весьма возможно, и доказательствомъ можетъ служить обвиненіе въ употребленіи христіанской крови. Здѣсь вѣдь евреи правы и чисты какъ ангелы Божіи: еврей и кровь! Существуютъ-ли двѣ еще болѣе рѣзкія противоположности?—А все-таки»...

На этихъ словахъ обрывается маленькая прелестная статейка, особенно важная для насъ потому, что въ ней «А.-Г.» борется не съ арійскимъ, внѣшнимъ антисемитизмомъ, а съ внутренними нашими врагами, съ тѣми еврейскими антисемитами, которые вѣрятъ всѣмъ небылицамъ, распространяемымъ насчетъ ихъ-же собственнаго народа, и, такимъ образомъ, унижаютъ самихъ себя въ своихъ собственныхъ глазахъ. А что можетъ быть опаснѣе и гибельнѣе для народа, чѣмъ неумѣстное самоуниженіе и вѣчное самобичеваніе?

Мы, къ сожалѣнію, не можемъ подробно останавливаться на двухъ небольшихъ серіяхъ статей, напечатанныхъ въ разбираемой нами книгѣ «На перепутьи», изъ коихъ одна серія трактуетъ о «Вопросахъ языка», занимающихъ также важное мѣсто въ возрожденной ново-еврейской литературѣ, а другая—объ «Энциклопедіи іудаизма на еврейскомъ языкѣ», оказавшейся, къ сожалѣнію, прекрасной мечтой. Въ первой серіи «А.-Г.» является эволюціонистомъ par excellence и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указываетъ на роль безсознательнаго въ человѣческомъ мышленіи и языкѣ; а во второй онъ излагаетъ свой весьма интересный взглядъ на «науку еврейства», какъ на великое воспитательное средство. Эти статьи тѣсно связаны со всѣмъ литературнымъ творчествомъ «А.-Гаама» и съ его сіонизмомъ, включающимъ и всѣ еврейско-національные вопросы, которые, въ свою очередь, исходятъ у него изъ обще-научныхъ принциповъ и положеній. Книгу «На

перепутьи» заключаетъ небольшая сатира, имѣющая характеръ фельетона и совершенно не похожая на всѣ другія столь серьезныя статьи нашего замѣчательнаго мыслителя. Она для насъ представляетъ большой интересъ потому, что въ ней мы видимъ «А.-Гаама съ совершенно новой стороны. Здѣсь онъ намъ является въ роли талантливаго психолога-юмориста, рисующаго одного переходящаго изъ лагеря въ лагерь еврейскаго писателя, который, ставъ сіонистомъ, сначала укоряетъ всѣхъ нашихъ дѣятелей въ томъ, что они, пропагандируя колонизацію Палестины, не справились заранѣе о томъ, что скажетъ на это настоящій хозяинъ страны, властелинъ Высокой Порты, т. е. онъ предвосхищаетъ всю суть герцлевскихъ воззрѣній на наше колонизаціонное дѣло. Но потомъ онъ приходитъ къ заключенію, что самоувѣренность и надежда приносили въ нашемъ дѣлѣ гораздо больше пользы, чѣмъ разсчеты и мудрствованія (р. 298). Это доказываетъ еще лишній разъ, что, несмотря на отвращеніе, которое «А.-Г.» питаетъ ко всякому искусственному разжиганію народнаго воображенія посредствомъ чрезмѣрныхъ и неисполнимыхъ обѣщаній, онъ все-таки умѣетъ цѣнить силу иниціативы, *сознательную самоувѣренность*, т. е. самоувѣренность такихъ людей, которые, прекрасно сознавая всѣ неудобства и всѣ препятствія, находящіяся на пути къ великой цѣли, все-таки надѣются на то, что самопожертвованіе, трудолюбіе и выносливость въ концѣ концовъ преодолѣютъ всѣ трудности, какими-бы страшными онѣ на первыхъ порахъ ни казались. «Логика—говоритъ «А.-Г.» въ одномъ изъ своихъ возраженій оппонентамъ—взвѣшиваетъ различныя, борющіяся въ жизни силы, и нашедши, что сила препятствій превосходитъ силу борющагося съ ними человѣка или народа, она рѣшаетъ, что эти послѣдніе потерпятъ пораженіе. Но въ психической жизни есть еще одна сила, существованіе которой не является постояннымъ, нормальнымъ, вслѣдствіе чего логика съ нею большей частью совсѣмъ не считается, а между тѣмъ, эта *сила можетъ* дать перевѣсъ обладателю ея, несмотря на всѣ

разсчеты логики. Эта сила есть—вѣра и самоувѣренность. Великое стремленіе къ достиженію своей цѣли внушаетъ человѣку или народу вѣру въ свои силы и увѣренность въ томъ, что его предпріятіе увѣнчается успѣхомъ; и эта вѣра и эта увѣренность *сами по себѣ* представляютъ собою чудесныя психологическія силы, превращающія слабосильнаго въ героя и приводящія очень часто своихъ обладателей къ намѣченной цѣли, вопреки всѣмъ препятствіямъ, которыя, съ точки зрѣнія холодной логики, были гораздо сильнѣе постоянной и нормальной силы тѣхъ, которые боролись съ ними» (pp. 77—78).

Страшный пессимистъ, какимъ провозгласили «А.-Гаама», становится, такимъ образомъ, великимъ оптимистомъ, не вслѣдствіе игнорирующаго дѣйствительность идеализма, а благодаря твердой вѣрѣ въ великую силу духа, способнаго побороть всѣ хорошо извѣстныя ему матеріальныя препятствія именно потому, что онъ изучилъ ихъ и знаетъ какъ бороться съ ними и—остаться побѣдителемъ.

V.

Книга «Ахадъ-Гаама», «На перепутьи», появилась въ 1895 г. Годъ спустя, въ 1896 г., появляется «Judenstaat» д-ра Герцля. Эта книга есть, въ сущности, повтореніе «Autoëmancipation» д-ра Пинскера. И Герцль ищетъ не «страны израильской», а «страны для Израиля». Онъ хочетъ основать, какъ это мѣтко выразилъ «А.-Г.», не «jüdischen Staat» (еврейское государство), а «Judenstaat» (государство для евреевъ). Герцлю безразлично, гдѣ это государство будетъ основано: если Аргентина лучше для этой цѣли, то можно ее, по его мнѣнію, предпочесть Палестинѣ. Еврейскій языкъ не играетъ въ его глазахъ никакой роли, о духовной жизни еврейскаго народа, являющейся великимъ факторомъ въ дѣлѣ единенія и сохраненія *націи*, онъ и не заикается. И какъ ему говорить объ этомъ, *когда онъ о нашемъ* культурномъ достояніи и понятіи не

имѣетъ? Долгое время онъ почти что не зналъ, еврей-ли онъ или нѣтъ. Онъ вернулся къ своему народу благодаря внѣшнему гнету, благодаря росту антисемитизма въ Вѣнѣ. Въ его глазахъ мы одинъ народъ лишь потому, что у насъ есть одинъ общій врагъ. Не наша внутренняя, духовно-историческая жизнь сдѣлала насъ, по его мнѣнію, единой націей, а внѣшнее давленіе. Слѣдовательно, мы *главнымъ образомъ* должны стремиться не къ духовному возрожденію, а къ политическому могуществу. Герцль, правда, часто и, надо полагать, вполнѣ искренно говоритъ о духовныхъ идеалахъ возрождающагося еврейства. Но это у него по необходимости остается пустою фразою; онъ не знаетъ нашихъ пророческихъ идеаловъ и не старается знать ихъ; онъ даже не научился еврейскому языку, не познакомился поближе съ еврейской исторіей, съ еврейскими традиціями и съ вѣками выработанною, своеобразною еврейскою жизнью, какою она сохранилась лишь среди евреевъ восточной Европы.

То же самое приходится сказать и о Нордау. О немъ также долгое время не знали, еврей-ли онъ или нѣтъ. Извѣстно, съ какой яростью онъ обрушился на Библію—первоисточникъ нашей духовной жизни, въ своихъ «Conventionelle Lügen». Онъ самъ признается, что антисемитизмъ сдѣлалъ его евреемъ, т. е. что не внутреннее побужденіе, а внѣшнее принужденіе вернуло его къ нашему народу. Во всѣхъ своихъ рѣчахъ онъ ударяетъ на то, что еврейскія бѣдствія заключаются на Востокѣ—въ матеріальной нуждѣ и политическомъ безправіи, а на Западѣ—въ духовной нуждѣ и моральномъ гнетѣ. Но эта моральная и духовная нужда заключается не въ томъ, что интеллигентные евреи забываютъ про духовно-историческое наслѣдіе еврейства, про іудаизмъ съ его многовѣковыми и вѣчными духовными идеалами, а въ томъ, что западные евреи не допускаются въ высшее христіанское общество, не могутъ достичь высшихъ чиновъ въ арміи и ординарныхъ каѳедръ въ университетахъ. Для того, чтобъ помочь такого рода бѣдамъ, *необходима* страна, гдѣ евреи добились-бы политической

независимости, но неважно, будетъ-ли эта страна связана съ нашимъ историческимъ прошлымъ и съ нашими великими историческими надеждами, или нѣтъ. Объ еврейской культурѣ; подъ которой разумѣется еврейская литература съ ея несмѣтными сокровищами, а также еврейская исторія и еврейскій языкъ, заботиться, слѣдовательно, нечего. И, дѣйствительно, на первыхъ двухъ конгрессахъ о ней говорятъ лишь въ послѣднія минуты передъ закрытіемъ конгрессныхъ засѣданій, а на третьемъ о ней много говорятъ, но почти ничего не дѣлаютъ ни для распространенія еврейскаго языка и еврейской исторіи, ни для развитія нашей національной литературы и, вмѣсто всего этого, воображеніе народное разжигается всевозможными дипломатическими намеками, неисполнимыми обѣщаніями и громкими фразами, ведущими къ праздному и зловредному политиканству.

Могъ-ли «А.-Г.», послѣ всего того, что мы знаемъ о его взглядахъ на основную идею и главныя задачи сіонизма, вполнѣ примкнуть къ такому движенію, принявшему такую неприглядную форму?

Конечно, нѣтъ. Его глубокій идеализмъ возстаетъ противъ матеріализаціи сіонистской идеи Герцлемъ, Нордау и ихъ приверженцами, подобно тому какъ онъ протестовалъ противъ взглядовъ многихъ изъ старыхъ палестинофиловъ, смотрѣвшихъ на палестинскую идею какъ на рѣшеніе чисто-экономическаго вопроса. Его строгій эволюціонизмъ и историзмъ возмущаются, во-первыхъ, тѣмъ, что Герцль думаетъ на скорую руку устроить государство, которое на самомъ дѣлѣ можетъ развиться лишь постепенно и органически, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что для Герцля Палестина—не единственно возможная страна для еврейскаго народа, связаннаго съ нею неразрывными историческими узами. Онъ возмущается, наконецъ, тѣмъ, что Герцль думаетъ лишь о спасеніи страждущаго *еврейства*, но совершенно не заботится о спасеніи гибнущаго *іудаизма*, т. е. *нашихъ духовно-національныхъ и культурно-историческихъ пріобрѣтеній.*

И вотъ онъ выступаетъ въ редактируемомъ имъ, начиная съ 1896 г., ежемѣсячномъ журналѣ «Гашилоахъ» съ цѣлымъ рядомъ статей подъ общимъ заглавіемъ «Къ вопросамъ дня» (Lischeloth hajom) и съ цѣлымъ рядомъ замѣтокъ изъ «Памятной книжки» (Jalkut katon). Надо было обладать настоящимъ героизмомъ, чтобъ въ такое время, когда сотни тысячъ евреевъ ликовали подъ вліяніемъ перваго конгресса и аудіенціи, данной д-ру Герцлю императоромъ Вильгельмомъ въ самомъ Іерусалимѣ, выступить съ такимъ горячимъ протестомъ противъ недостатковъ конгресса, противъ «высшей политики» д-ра Герцля и противъ всего показного и раздутаго въ новомъ движеніи. Молодежь, прежде обожавшая «А.-Гаама», вдругъ отвернулась отъ него и стала смотрѣть на него какъ на врага сіонизма. Противъ «Гашилоаха» велась самая некрасивая агитація, и въ одномъ крупномъ центрѣ русскаго еврейства демонстративно сожгли книжки этого почтеннаго журнала, въ которомъ, къ слову сказать, не было и слѣда какихъ-либо нападокъ на личность вождей сіонизма. Но съ другой стороны, среди лучшей еврейской молодежи, не ослѣпленной дипломатическою мишурой, образовалась небольшая, но горячо преданная духовному сіонизму партія такъ называемыхъ «ахадъ-гаамистовъ». Образуется новый терминъ «ахадъ-гаамизмъ», который еще и теперь въ большомъ ходу, хотя его все болѣе и болѣе вытѣсняютъ болѣе подходящіе термины культурнаго или духовнаго сіонизма. Сама наличность слова «ахадъ-гаамизмъ» уже указываетъ на существованіе цѣльной ахадъ-гаамовской системы, находящейся въ антагонизмѣ съ политическимъ сіонизмомъ или вѣрнѣе, съ герцлизмомъ. Чѣмъ объясняется этотъ антагонизмъ?

Мы уже видѣли въ предыдущихъ главахъ, что взгляды «А.-Гаама», несмотря на то, что они проникнуты глубокой духовностью и идеализмомъ, въ то же время основываются и на знаніи реальнаго положенія дѣлъ, и потому «А.-Г.» сопротивляется всякому необдуманному, слишкомъ поспѣшному шагу. *Этотъ реальный* идеализмъ, если можно такъ выразиться, за-

ставляетъ «А.-Гаама» бороться всѣми силами противъ герцлевскихъ затѣй. Прежде всего онъ старается доказать, что основаніе еврейскаго автономнаго государства *въ ближайшемъ будущемъ* есть чистѣйшая химера. Автономія за деньги не покупается и, какъ Турція ни бѣдна, она не соблазнится какими-нибудь нѣсколькими милліонами рублей, которые ей могутъ предложить политическіе сіонисты.

Затѣмъ, въ Палестинѣ живетъ теперь около 300 тысячъ арабовъ, которые обрабатываютъ ея землю споконъ вѣковъ, и смѣшно даже подумать, что Турція дастъ пришельцамъ, не имѣющимъ никакого *нравственнаго и фактическаго права* на страну, такъ какъ они для нея пока еще почти что ничего не сдѣлали, автономную власть надъ туземцами. Да и кромѣ того, еслибъ мы даже добились полной автономіи въ Палестинѣ, то и тогда соціальныя и экономическія условія страны не дали бы возможности переселять туда больше, чѣмъ нѣсколько сотъ семействъ въ годъ. А если даже тысячи евреевъ переселятся ежегодно, то вѣдь въ восточно-европейскихъ странахъ еврейское народонаселеніе быстро умножается и, слѣдовательно, эмиграція въ Палестину, даже при полнѣйшихъ политическихъ гарантіяхъ, не разрѣшитъ еврейскаго вопроса съ его экономической стороны.

Что же касается духовной стороны еврейскаго вопроса, то въ этомъ отношеніи сіонизмъ восточныхъ евреевъ рѣзко отличается отъ сіонизма нашихъ западныхъ братьевъ или русско-еврейскихъ западниковъ. «Для западныхъ сіонистовъ существуетъ лишь нужда евреевъ, а для восточныхъ—нужда іудаизма; первая сокрушаетъ сердце *человѣка*, а вторая—сердце *націи*; первая чувствуется евреями, воспитанными въ духѣ другихъ народовъ, а вторая—тѣми, которые воспитывались въ духѣ іудаизма; первая есть продуктъ антисемитизма, и ея существованіе обусловливается его существованіемъ, а вторая является естественнымъ слѣдствіемъ истинной связи *съ тысячелѣтнею культурою*, которая останется во всей своей *силѣ даже если страданія* евреевъ прекратятся повсюду вмѣстѣ

съ антисемитизмомъ, даже если всѣ евреи всѣхъ странъ будутъ матеріально обезпечены и коренные народы будутъ къ нимъ относиться какъ нельзя лучше и, какъ истыхъ братьевъ, допустятъ ихъ къ участію во всѣхъ отрасляхъ общественной и политической жизни». (Haschiloach, январь, 1898, III, 5—6).

Къ этому слѣдуетъ только прибавить, что «А.-Г.» далеко не такой оптимистъ, который надѣялся бы на скорое исчезновеніе антисемитизма. Мы уже видѣли въ началѣ IV-й главы, говоря объ «Отрывкѣ», озаглавленномъ «Два міра», что во всемъ, что касается еврейскаго вопроса, онъ мало надѣется на вліяніе гуманизма и эмансипаціи: юдофобія основана на *чувствѣ* вражды къ евреямъ, ставшемъ чуть-ли не наслѣдственнымъ, а эмансипація есть лишь слѣдствіе *логическихъ* умозаключеній. Эту мысль А.-Гаама развивалъ Максъ Нордау въ своей первой базельской рѣчи, и самъ «А.-Г.» примѣняетъ ее къ объясненію дрейфусовскаго процесса (см. Jalcut Katon, 27, Haschiloach, III, 366—368). Но онъ понимаетъ, что великая идея не можетъ и не должна основываться на одномъ лишь внѣшнемъ давленіи. И, въ самомъ дѣлѣ, если сіонизмъ есть лишь продуктъ антисемитизма, тогда евреи, живущіе въ Италіи, Англіи, Венгріи и т. д., гдѣ антисемитизма нѣтъ, должны принимать участіе въ сіонистскомъ движеніи лишь изъ боязни, чтобъ антисемитизмъ не появился и въ этихъ странахъ или же изъ чувства сожалѣнія къ менѣе счастливымъ братьямъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ сіонизмъ не является больше насущной потребностью для всего еврейства. Другое дѣло, если на сіонизмъ смотрѣть какъ на духовно-культурное движеніе. Мы уже знаемъ, насколько культурный центръ въ Палестинѣ необходимъ для возрожденія еврейско-національнаго духа. Въ такомъ центрѣ нуждаются всѣ евреи всѣхъ странъ, и западные, свободные, даже больше восточныхъ, угнетенныхъ. Ибо матеріально-обезпеченное и политически-свободное еврейство еще больше игнорируетъ еврейскую культуру. Значитъ, чѣмъ антисемитизмъ будетъ слабѣе, тѣмъ *необходимѣе* будетъ духовный сіонизмъ съ его культурнымъ

національнаго творчества, какъ онъ это сжато и ясно выразилъ въ одной изъ своихъ прелестныхъ «замѣтокъ» (Jalkut katon, 33, Haschiloach, IV, 190—192). Ему дорого не догматическое въ еврейской религіи, а національно-историческое. Вотъ чего не понимаютъ ни Герцль и Нордау, ни ихъ приверженцы.

Вотъ каковы отношенія духовнаго сіонизма къ политическому. Нѣтъ сомнѣнія, что наиболѣе мыслящіе и вдумчивые сіонисты болѣе склонны къ первому, чѣмъ къ послѣднему. Уже на второмъ конгрессѣ большинство восточныхъ сіонистовъ отстаивало культуру и колонизацію и заставило избрать для нихъ особыя комиссіи. На третьемъ конгрессѣ политическія вожделѣнія Герцля были сведены къ «Хартіи отъ турецкаго султана», т. е. къ фирману или формальному разрѣшенію Порты на колонизацію Палестины. Достиженіе такого разрѣшенія «А.-Г.» вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ палестинскимъ дѣятелямъ 10 лѣтъ тому назадъ: вѣдь онъ самъ, какъ мы видѣли, еще задолго до Герцля былъ противъ «инфильтраціи» и вкрадыванія въ Палестину. Можно съ увѣренностью сказать, что въ ближайшемъ будущемъ, политическіе сіонисты еще больше проникнутся его взглядами, и тогда духовный сіонизмъ станетъ *сіонизмомъ вообще:* какъ всякая великая идея, сіонизмъ будетъ имѣть основаніемъ великіе *духовные* идеалы и стремленіе къ *внутреннему* возрожденію.

VI.

Намъ еще осталось выяснить отношеніе «духовнаго сіонизма» Ахадъ-Гаама къ «духовному націонализму» С. М. Дубнова.

Что у нихъ есть много общаго — это показываетъ само слово «духовный», общее тому и другому. «Протестъ С. М. Дубнова не только противъ ассимиляціи, но и противъ отсутствія *настоящей духовности* въ новомъ движеніи политическаго сіонизма, *выраженъ съ такой* же силой, какъ и во многочисленныхъ

статьяхъ «А.-Гаама», у котораго этотъ протестъ вытекаетъ изъ всей уже знакомой читателямъ системы его. Но что касается положительной стороны духовнаго націонализма, то напрасно С. Дубновъ считаетъ ее очень близкой къ духовному сіонизму. С. М. Дубновъ говоритъ, что вся разница между духовными націоналистами и духовными сіонистами «сводится къ тому, что одни проповѣдуютъ національное возрожденіе, обращаясь лицомъ на Востокъ, а другіе дѣлаютъ это, обращаясь лицомъ на Западъ» («Восходъ», мартъ 1898, стр. 137). Но насколько взгляды Дубнова далеки отъ взглядовъ «Ахадъ-Гаама» легко видѣть изъ слѣдующей фразы перваго: «Приливъ и отливъ національнаго духа — явленія, постоянно чередующіяся въ еврейской исторіи. Новый приливъ спасъ бы шатающуюся еврейскую интеллигенцію и безъ той *случайной частности* національнаго движенія, которая называется ціонизмомъ». (Тамъ же, апрѣль, 1898, стр. 16). Тотъ, кто помнитъ основную идею, красной нитью проходящую черезъ всѣ «Отрывки» «А.-Гаама», кто помнитъ, съ какимъ глубокимъ убѣжденіемъ и съ какой настойчивостью «А.-Г.» доказываетъ, что сіонизмъ — это *историческая необходимость*, что вся еврейская исторія, все наше духовное развитіе подготовили это великое движеніе, объединяющее прошедшее и будущее, европейскую гражданственность съ еврейскимъ мессіанствомъ, политическія стремленія съ идеалами пророковъ,—кто все это еще помнитъ, тотъ легко пойметъ, какая пропасть лежитъ между взглядомъ «Ахадъ-Гаама» на сіонизмъ, какъ на продуктъ всей нашей исторіи, и между взглядомъ Дубнова на этотъ же сіонизмъ, какъ на «случайную частность», безъ которой еврейско-національное движеніе легко могло бы обойтись или даже распространилось бы гораздо быстрѣе!.. Нѣсколько ниже г. Дубновъ говоритъ о духовныхъ сіонистахъ слѣдующее: «Они въ сущности признаютъ цѣликомъ нашу програму внутренняго возрожденія, но прибавляютъ: что вполнѣ свободное и самобытное развитіе еврейской націи *возможно лишь* на «исторической» (ковычки г-на Дубнова)

почвѣ Палестины, а потому тяготѣніе къ Палестинѣ и вѣра, что она можетъ стать нашимъ національнымъ центромъ хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, могутъ поддерживать въ евреяхъ этотъ идеалъ свободнаго развитія. Такая формулировка ціонизма можетъ привести на дѣлѣ къ особаго рода *философскому мессіанизму* (курсивъ г-на Дубнова), противъ котораго и духовные націоналисты ничего не имѣютъ, какъ противъ *психическаго фактора*». (Тамъ же, стр. 20). Насколько все это невѣрно, читатель уже знаетъ изъ всего вышеизложеннаго. «Ахадгаамизмъ» не приводитъ къ «философскому мессіанизму», т. е. къ бездѣлью, потому что онъ требуетъ реальныхъ дѣйствій: постепенной колонизаціи Палестины при первой возможности, устройства школъ въ Палестинѣ, и т. п.; и долженствующій такимъ путемъ образоваться духовный центръ онъ считаетъ не простымъ «психическмъ факторомъ», а ядромъ, изъ котораго современемъ образуется еврейское государство. Г. Дубновъ называетъ журналъ «Гашилоахъ», редактируемый «Ахадъ-Гаамомъ», «органомъ умѣреннаго сіонизма», (Тамъ же, іюнь, 1899, стр. 55, примѣч.). Я увѣренъ, что «А.-Г.» этого «достоинства» за своимъ журналомъ не признаетъ. И дѣйствительно, если въ сіонизмѣ главнымъ является не «Judenstaat», а Сіонъ, тогда «А.-Г.»—не «умѣренный сіонистъ», а ультра-сіонистъ, которому мало устройства еврейскаго государства: это государство еще должно непремѣнно находиться въ Сіонѣ. Это — настоящій, даже если хотите, крайній сіонизмъ, который во всякомъ случаѣ очень далекъ отъ духовнаго націонализма, желающаго, чтобъ всѣ евреи остались въ Европѣ и смотрѣли на Сіонъ лишь съ «трогательнымъ піэтизмомъ». Еслибы антисемитизмъ прекратился, многіе изъ политическихъ сіонистовъ, быть можетъ, и стали бы такъ смотрѣть на Сіонъ, оставаясь въ Европѣ, но ужъ отнюдь не духовные сіонисты, и меньше всего вождь ихъ. Что онъ очень далекъ отъ духовнаго націонализма—это *«А.-Г.» высказалъ* неоднократно. Такъ напр., онъ, говоритъ *въ одной замѣткѣ*, что «хотя еврейскіе пророки создали и

лелѣяли великій идеалъ воцаренія справедливости и хотя этотъ общечеловѣческій идеалъ былъ и будетъ всегда частью національнаго идеала еврейства, — однако и пророки и даже народъ вообще усматривали всегда тѣсную связь между этимъ идеаломъ и *возрожденіемъ Израиля въ его странѣ*. Двойная глубокая, хотя и не всегда ясная вѣра жила въ душѣ націи во всѣ времена, что только возродившись на національной почвѣ, а не будучи разсѣянной и смѣшанной съ другими націями, она выполнитъ моральную «миссію», которую ей заповѣдали пророки; и что только выполненіе этой моральной миссіи, а не политическое могущество и матеріальная сила, составляетъ цѣль ея національнаго возрожденія. Слѣдовательно, тотъ, кто хочетъ отдѣлить эти двѣ тѣсно связанныя идеи одну отъ другой и узрѣть «мессіанизмъ» лишь въ одной изъ нихъ—либо въ одной моральной дѣятельности, лишенной національнаго базиса (въ смыслѣ возрожденія въ Сіонѣ), либо въ одномъ политическомъ возрожденіи, лишенномъ моральнаго основанія,—тотъ отдаляется отъ духа народа и отъ историческихъ идеаловъ, которые были его утѣшеніемъ во всѣхъ его бѣдствіяхъ съ древнихъ временъ и по сей день» (Jalkut Katon, 26, Haschiloach, III, 175—176).

Но «А.-Г.» посвятилъ духовному націонализму одну спеціальную статью [1]. Читателямъ «Восхода» знакома сущность этого ученія. Кромѣ отрицанія ассимиляціи и признанія за евреями права считаться духовной націей, духовный націонализмъ утверждаетъ, что евреи, живущіе въ Европѣ съ незапамятныхъ временъ, должны требовать отъ европейскихъ государствъ не только человѣческихъ, т. е. гражданскихъ правъ, но и духовно-національныхъ. «А. Г.» считаетъ удовлетвореніе *такихъ* требованій не только невозможнымъ, но, въ извѣстной мѣрѣ, даже несправедливымъ. «Большая разница между признаніемъ права того или другого индивидуума

[1] Переведена на русскій языкъ Яковомъ Л—номъ подъ названіемъ „*На пути къ сіонизму*". Изданіе товарищества „Ахіасафъ". Одесса, 1899.

на участіе наравнѣ съ другими въ гражданской жизни страны, въ которой изстари жили его предки, и признаніемъ историческаго права чужой народности жить отдѣльной національной жизнью въ странѣ, которую при заселеніи даже *эта самая народность* не считала своею. Въ концѣ концовъ, и собственность дѣло соглашенія, и до тѣхъ поръ, пока люди будутъ признавать право частной собственности, и національная собственность не можетъ считаться противорѣчащей справедливости...» (Русскій переводъ, стр. 16—17).

Но если мы даже допустимъ, что всѣ націи во всѣхъ странахъ когда-нибудь признаютъ національныя права еврейскаго народа, то и тогда евреи не достигнутъ въ Европѣ полной, самобытной, національно-духовной жизни. «Вѣдь сама справедливость, именемъ которой слабый требуетъ своихъ правъ у болѣе сильнаго, не обязываетъ послѣдняго поступаться его собственными правами тамъ, гдѣ имъ противорѣчатъ права слабаго и гдѣ они не могутъ уживаться рядомъ. А между тѣмъ, никакія права и интересы въ мірѣ не способны такъ часто сталкиваться и рѣзко противорѣчить другъ другу, какъ національныя права и интересы двухъ народовъ, живущихъ вмѣстѣ, — не одинъ *возлѣ* другого, рядомъ, какъ въ Швейцаріи, а одинъ *среди* другого, смѣшанно, какъ въ нѣкоторыхъ изъ австрійскихъ провинцій. Во всѣхъ наиболѣе важныхъ сторонахъ государственной жизни, каковы: воспитаніе, судъ, общественные обычаи, языкъ, наука и проч., невозможно одновременное господство различныхъ національностей, невозможно, чтобъ каждая нація въ одно и то же время вносила во все это свою индивидуальность и чтобъ ихъ наклонности не сталкивались. Во всѣхъ этихъ сторонахъ жизни меньшинство слѣдуетъ по необходимости и по справедливости большинству, которому оно должно безропотно подчиняться, какъ это практикуется и при столкновеніи гражданскихъ правъ единичныхъ личностей. А такъ какъ нашъ *народъ повсюду составляетъ* меньшинство, то имѣетъ ли онъ *право надѣяться*, что въ одинъ прекрасный день онъ съумѣетъ

зажить всесторонней и полной національной жизнью въ европейскихъ странахъ?» (Тамъ же, стр. 17—18).

Такою всестороннею и полною жизнью мы можемъ зажить лишь въ той странѣ, въ которой, вслѣдствіе ея малозаселенности, мы легко сможемъ стать *большинствомъ*, «въ странѣ, относительно которой наши историческія права неоспоримы и не нуждаются въ сомнительныхъ доказательствахъ. Лишь въ исторической атмосферѣ этой страны наша національная жизнь дѣйствительно разовьется въ нашемъ духѣ, не съуживаясь и не сосредоточиваясь лишь на нѣкоторыхъ ограниченныхъ отрасляхъ; и лишь тогда будетъ жить надежда на возрожденіе и въ сердцахъ остальныхъ евреевъ, разсѣянныхъ по лицу земли, ибо этотъ національный центръ окажетъ духовное вліяніе и на нихъ и дастъ имъ силу жить *его жизнью*, несмотря на то, что въ странахъ ихъ разсѣянія они будутъ лишены національныхъ правъ». (Тамъ же, стр. 18—19; Haschiloach, III, 294—295).

На основаніи всего этого, «А.-Г.» смотрѣлъ на духовный націонализмъ, какъ на одну изъ переходныхъ стадій по пути къ сіонизму, и съ этой точки зрѣнія ему настоящіе духовные націоналисты дороже иныхъ свѣжеиспеченныхъ «неосіонистовъ». Ибо, въ то время, какъ эти послѣдніе мало интересуются нашими духовными идеалами, духовные націоналисты ими только и живутъ. Для «Ахадъ-Гаама» идеалы этихъ послѣднихъ не все, но главное въ жизни народа. Онъ присоединяетъ къ нимъ и надежду на возрожденіе еврейства въ странѣ отцовъ, которая была всегда однимъ изъ самыхъ завѣтныхъ и существенныхъ среди историческихъ идеаловъ нашего народа. Утвержденіе С. М. Дубнова, будто «путь, указанный духовными націоналистами», является «*продолженіемъ* (курсивъ г-на Дубнова) того пути, по которому мы, съ различными колебаніями, идемъ уже двѣ тысячи лѣтъ» («Восходъ», іюнь, 1899, стр. 63), — кажется намъ по меньшей мѣрѣ страннымъ. Г. Дубновъ, придающій такое значеніе *историческимъ* идеямъ, *историческимъ* факторамъ и т. п.,

должна быть у разныхъ народностей разная: «Характеръ и потребности каждаго народа, его матеріальное и духовное положеніе. превратности его историческихъ судебъ въ различныя времена,—все это придаетъ особую окраску его отношенію къ явленіямъ жизни и, вслѣдствіе этого, также его нравственнымъ понятіямъ и ихъ воплощенію въ дѣйствительности» (Тамъ-же, V, 5).

Еврейскій народъ, который велъ всегда столь отличную отъ жизни другихъ народовъ историческую жизнь, несомнѣнно имѣетъ особую національную мораль, обусловленную именно этою историческою жизнью и духовнымъ творчествомъ еврейскаго народнаго генія.

Не всегда легко опредѣлить, въ чемъ заключаются особенности этой морали, но нѣтъ сомнѣнія, что онѣ существуютъ. «А.-Г.» это поясняетъ примѣромъ, взятымъ изъ драмы Макса Нордау, «Докторъ Конъ», недавно появившейся и въ русскомъ переводѣ. Тамъ еврей-націоналистъ, очень близкій къ сіонизму, выходитъ на дуэль съ христіаниномъ изъ-за того, что этотъ послѣдній назвалъ его, еврея, трусомъ,—и еврей умираетъ будто за честь своего народа. Въ этомъ «А.-Г.» усматриваетъ еще одно лишнее доказательство тому, что націонализмъ Нордау ничего общаго съ этикой еврейства не имѣетъ. Ибо настоящая честь еврейства страдаетъ не отъ того, что какой-нибудь дуракъ назоветъ евреевъ трусами, а отъ того, что изъ-за какой то глупой выходки проливается кровь человѣческая. Вотъ въ чемъ проявляется особенность національно-еврейской морали. Еслибъ наши націоналисты и сіонисты старались поглубже вникнуть въ духъ іудаизма, они бы нашли много такихъ особенностей. Вотъ почему «А.-Г» совѣтуетъ имъ основывать кружки, которые занимались бы теоретической разработкой вопросовъ нашей національной этики, съ тѣмъ, чтобы результатами, добытыми въ такихъ кружкахъ, руководствоваться потомъ въ практической жизни. Какъ извѣстно, такіе кружки, *не имѣющіе никакихъ* религіозныхъ или антирелигіозныхъ *тенденцій, были впервые* основаны лѣтъ 20 тому назадъ въ

Англіи евреемъ, д-ромъ Феликсомъ Адлеромъ. Затѣмъ они распространились и въ Германіи, гдѣ они носятъ названіе «Vereine für ethische Kultur», имѣютъ свои спеціальные органы печати, и въ нихъ принимаютъ участіе весьма видные ученые и писатели. Хотя «Vereine für ethische Kultur» носятъ болѣе теоретическій характеръ, но нѣтъ сомнѣнія, что члены ихъ, проникаясь основными принципами національной этики, перенесутъ эти принципы изъ области теоріи въ практическую жизнь. Ибо «мораль, какъ поясняетъ «А.-Г.»,—есть прямое соотношеніе между внутреннимъ духомъ и внѣшней жизнью, и разъ человѣкъ привыкъ относиться ко всѣмъ явленіямъ жизни сообразно съ національной моралью, хотя бы онъ это въ началѣ дѣлалъ лишь механическимъ образомъ, по привычкѣ,—онъ въ концѣ концовъ почуетъ въ сердцѣ своемъ живой родникъ, изъ котораго проистекаетъ національная мораль, и тогда эта мораль станетъ для него чѣмъ-то естественнымъ, исходящимъ само собою изъ глубинъ его души» (Тамъ же, V, 6).

Я думаю, что подъ этой интересной статьей всѣ духовные націоналисты подпишутся обѣими руками.

Я позволю себѣ изложить еще одну послѣднюю статью «Ахадъ-Гаама», имѣющую прямое отношеніе къ вопросу о національной морали. Всѣ остальныя статьи «А.-Гаама» въ «Гашилоахѣ» я принужденъ, по недостатку мѣста, обойти молчаніемъ.

С. Дубновъ какъ то разъ назвалъ тотъ крайній политическій сіонизмъ, который преклоняется лишь передъ матеріальной силой и политическимъ могуществомъ, «извращеннымъ ницшеанствомъ». Но у насъ въ еврейской литературѣ существуютъ слава Богу, и «настоящіе» ницшеанцы. И они возстаютъ противъ «рабской морали» пророковъ, восхваляютъ изверга Ирода и порицаютъ кроткаго Гиллеля. Одна ницшеанствующая статья, напечатанная въ журналѣ «Mimizrach umimaarabh» Брайнина, подала «А.-Гааму» поводъ высказаться о своемъ отношеніи *ко взглядамъ Ницше* и его еврейскихъ подражателей. Это отно-

шеніе, разумѣется, отрицательное, но это отрицаніе вылилось, какъ все, выходящее изъ подъ пера «А.-Гаама», въ весьма своеобразную форму.

Прежде всего «А.-Г.» характеризуетъ сущность взглядовъ нашихъ доморощенныхъ ницшеанцевъ слѣдующимъ образомъ: «Весь ходъ жизни нашего народа со временъ пророковъ и по сію пору кажется имъ одной сплошной ошибкой, требующей немедленнаго и радикальнаго исправленія. Ибо во всѣ эти вѣка еврейство усиливало духовный отвлеченный идеалъ насчетъ матеріальной, реальной силы, «книгу» насчетъ «меча», и, такимъ образомъ, оно подавляло въ сердцахъ евреевъ стремленіе къ возвеличенію индивидуальной силы, подчиняло «настоящую жизнь» какой то «тѣни жизни», и живой, реальный еврей сталъ какъ бы добавленіемъ къ отвлеченной этической доктринѣ. Въ такомъ состояніи нашему народу больше невозможно жить среди другихъ націй, тѣмъ паче—устроить свою національную жизнь въ родной странѣ, а потому теперь, когда у насъ пробудилось желаніе національнаго возрожденія, мы прежде всего должны *переоцѣнить всѣ моральныя цѣнности*, имѣющія власть надъ нами, безжалостно разрушить сразу все историческое зданіе, унаслѣдованное нами отъ нашихъ предковъ и построенное на основаніи этой опасной ошибки предпочтенія духа матеріи и подчиненія индивидуальной жизни отвлеченнымъ моральнымъ законамъ,—и построить новое зданіе съ самаго начала на основаніи «новыхъ цѣнностей», которыя придадутъ матеріальной силѣ большее значеніе, чѣмъ духовной, снимутъ оковы съ жаждущей жизни души и пробудятъ въ ней особую любовь къ укрѣпленію ея силы и ея воли, дабы она добивалась своихъ вожделѣній кулачною силою, въ неограниченной свободѣ» (Haschiloach, августъ, 1898, IV, 97).

Что такое ученіе въ такой формѣ чуждо іудаизму — это очевидно. Это ученіе взято цѣликомъ у Ницше съ его требованіемъ «переоцѣнки всѣхъ цѣнностей». Читатели, которые *помнятъ еще, какихъ* взглядовъ «А.-Г.» придерживается по *отношенію къ* подражанію чуждымъ идеямъ, поймутъ почему

онъ не вполнѣ отрицательно относится къ перенесенію идеи Ницше на еврейскую почву. Онъ отвергаетъ лишь рабское подражаніе, лишь простое обезьянничанье, какимъ является въ данномъ случаѣ еврейское ницшеанство. Онъ, какъ мы видѣли, требуетъ соревновательнаго подражанія, стремящагося къ проявленію индивидуальности подражателя такимъ же образомъ, какимъ подражаемый субъектъ проявилъ *свою* индивидуальность. Вотъ почему еврейскіе писатели должны, по его мнѣнію, и систему Ницше подчинить національной индивидуальности еврейскаго народа. Надо взять изъ этой системы лишь то, что есть въ ней дѣйствительно хорошаго, и это примѣнить къ основнымъ идеямъ, выработаннымъ историческимъ іудаизмомъ. Съ этой цѣлью «А.-Г.», превосходно изложивъ сущность ницшевской доктрины, разлагаетъ ее на ея составныя части. Дѣйствительно оригинальнымъ и существеннымъ въ ней оказывается лишь понятіе о постепенно вырабатывающемся (въ дарвинистскомъ смыслѣ) высшемъ «родовомъ типѣ», о «сверхчеловѣкѣ», стоящемъ неизмѣримо выше большой массы и воплощающемъ самое высокое развитіе человѣческаго рода. Но почему же непремѣнно представить себѣ сверхчеловѣка въ образѣ «blonde Bestie», какъ этого хочетъ аріецъ и сородичъ Бисмарка, Фридрихъ Ницше? Если сверхчеловѣкъ есть воплощеніе наивысшаго развитія человѣческихъ способностей, то почему этимъ способностямъ непремѣнно быть звѣрскими? Мы, евреи, также можемъ воспринять понятіе сверхчеловѣка, какъ идеалъ человѣческаго развитія, но сверхчеловѣка, воплощающаго наивысшее развитіе моральныхъ свойствъ человѣческаго рода: высшее проявленіе моральной силы, вѣчную и непримиримую борьбу съ ложью и зломъ въ защиту правды и справедливости, великія, крайнія моральныя требованія отъ себя и отъ другихъ и т. п.,—словомъ, все то, что *еврейство* считаетъ высшимъ моральнымъ развитіемъ и высшимъ этическимъ идеаломъ. Это тоже будетъ ницшеанствомъ, но *ницшеанствомъ еврейскимъ*.

И такое «еврейское ницшеанство» въ сущности уже суще-

ствуетъ. Ницше самъ часто смѣшивалъ еврейство съ христіанствомъ и одинаковымъ образомъ нападалъ на то и на другое. Но на самомъ дѣлѣ между ними вѣдь лежитъ цѣлая пропасть. Еврейство, основанное на идеѣ справедливости, никогда не проповѣдывало одного лишь милосердія и самоотреченія, и еврейскій сверхчеловѣкъ никогда не былъ лишь прислужникомъ большой массы. Въ еврействѣ на «праведника» (Zadik), воплощающаго всѣ высшія духовныя качества *моральнаго сверхчеловѣка*, смотрятъ такъ, какъ будто «весь міръ созданъ лишь изъ-за него одного» (Тамъ же, IV, 100—101). Онъ — сверхчеловѣкъ потому, что онъ силенъ и могучъ духомъ, твердъ въ преслѣдованіяхъ своихъ моральныхъ цѣлей, крайне высокъ въ моральныхъ требованіяхъ отъ себя и другихъ, непримиримъ и безстрашенъ въ своей духовной независимости какъ отъ взглядовъ толпы, такъ и отъ прихотей сильныхъ міра сего. Не является ли еврейскій пророкъ настоящимъ воплощеніемъ *такого* сверхчеловѣка, такого высшаго «родового типа», выработаннаго человѣчествомъ на іудейской національной почвѣ?..

Но «А.-Г.» пошелъ еще дальше. Онъ нашелъ въ еврействѣ дальнѣйшее развитіе самой ницшеанской идеи въ такой видоизмѣненной формѣ.

Для того, чтобъ появленіе сверхчеловѣка стало болѣе возможнымъ и болѣе частымъ, необходима благопріятная почва, подходящая духовная атмосфера. Такую духовную атмосферу можетъ доставить лишь такой народъ, «духовныя особенности котораго дѣлаютъ его болѣе способнымъ къ моральному развитію, чѣмъ всѣ остальные народы, и вся жизнь котораго проникнута этическимъ ученіемъ, возвышающимся надъ обыкновеннымъ и общеизвѣстнымъ типомъ» (Тамъ-же, IV, 101). Такой народъ будетъ «сверхъ-народомъ» (amelion), народомъ-геніемъ, возвышающимся надъ толпой другихъ народовъ; Израиль, котораго самъ Ницше назвалъ: «Génie volk», именно *и является такимъ* «высшимъ типомъ» среди народностей. *Онъ — «Богомъ избранный народъ»*, выше стоящій надъ дру-

гими націями не политическимъ могуществомъ, а моральною силою. Онъ, какъ наивысшій моральный типъ, имѣетъ, какъ и сверхчеловѣкъ у Ницше, наибольшія и наитруднѣйшія моральныя обязанности. Какъ «высшій родовой типъ», онъ долженъ остаться меньшинствомъ и не можетъ дѣлиться съ кѣмъ-бы то ни было своими великими обязанностями, а потому не гонится за прозелитами. Онъ вовсе не живетъ ради массы другихъ націй, онъ вовсе не имѣетъ «миссіи» осчастливить другія народности. Его существованіе какъ высшій типъ, какъ избранникъ Божій, есть самодовлѣющая цѣль. «Пророки, правда, выразили надежду, что еврейство окажетъ благотворное вліяніе и на моральныя представленія всѣхъ другихъ народовъ. Но это они себѣ представили какъ слѣдствіе, долженствующее появиться *само-собою* изъ факта существованія высшаго моральнаго типа во Израилѣ, но существованіе Израиля вовсе не имѣетъ цѣлью то, чтобъ Израиль *добивался* чего либо подобнаго» (Тамъ-же, стр. 102). И, быть-можетъ, весь трагизмъ еврейской жизни заключается въ томъ, что мы, оторванные отъ родной почвы и поставленные въ неестественныя условія развитія, пока не можемъ, несмотря на инстинктивно - чувствуемую нами «избранность» нашу, достигнуть того высшаго моральнаго усовершенствованія, которое необходимо высшему типу моральной націи,—«моральному сверхъ-народу»...

Вотъ что еврейскіе писатели могли-бы найти въ системѣ Ницше, еслибъ они относились къ ней съ большей самостоятельностью, еслибъ ихъ подражаніе было-бы не самоотушеваніемъ, а соревнованіемъ. Имъ не пришлось-бы тогда требовать отъ сорокавѣкового народа «переоцѣнки всѣхъ цѣнностей» немедленной и огульной отмѣны всѣхъ духовно-историческихъ идеаловъ,—какъ будто національная мораль есть нѣчто случайное, искуственно созданное единичными личностями, а не продолжительнымъ историческимъ процессомъ, и стоитъ только нѣкоторымъ еврейскимъ ницшеанцамъ захотѣть, чтобъ всѣ *цѣнности сразу* были переоцѣнены, чтобъ «рабская мораль»

исчезла и чтобъ «книга» смѣнилась «мечемъ», а пророки— «бѣлокурой бестіей»!..

Наша задача—подробно изложить статьи «Ахадъ-Гаама» и, такимъ образомъ, дать возможно ясное представленіе о духовномъ сіонизмѣ—можетъ считаться выполненною. Надѣемся, что читатель видитъ теперь всю стройность и цѣльность доктрины этого выдающагося еврейскаго мыслителя. Всѣмъ стало ясно, что въ его произведеніяхъ имѣется весьма значительное количество новыхъ взглядовъ, оригинальныхъ идей,—быть можетъ, большее количество, чѣмъ у кого-бы то ни было изъ еврейскихъ писателей современности. Глубокая духовность, проникающая все ахадъ-гаамовское міровоззрѣніе, его великій идеализмъ, не игнорирующій дѣйствительности, но старающійся приблизить ее къ идеалу, необыкновенная глубина его воззрѣній, въ высшей степени одухотворенныхъ, но далеко не безплотныхъ и безкровныхъ, современность его взглядовъ, основанныхъ на новѣйшей философіи и наукѣ, и — last not least безподобный его стиль, какъ нельзя болѣе приближающійся къ тому, что нѣмцы называютъ «vornehm»,—все это обезпечиваетъ за его произведеніями продолжительное и благотворное вліяніе на лучшую еврейскую молодежь. Можно, конечно, спорить съ его взгядами, даже бороться съ ними, но нельзя не признать за ними оригинальности, глубины и строгой послѣдовательности. Быть можетъ, найдутся писатели, которые позаймутся подробной критикой этихъ взглядовъ; мы же хотѣли только обратить вниманіе болѣе широкой еврейской публики на одну изъ наиболѣе выдающихся доктринъ, выработавшихся у насъ въ послѣднее время,—доктрину затрогивающую всѣ вопросы еврейской жизни и очень сильно волнующую умы нашей молодежи. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что такой глубокой и своеобразной доктринѣ, какъ духовный сіонизмъ, предстоитъ сыграть весьма *важную роль* во всемъ дальнѣйшемъ развитіи какъ еврейства, *такъ и іудаизма.*

І. Клаузнеръ.

DS 151 .G5 K53 1900 C.1
Dukhovnyi sionizm i ego glavny
Stanford University Libraries
3 6105 041 102 612

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004